

Лев Гумилев

История народа хунну

«ФТМ»

Гумилев Л. Н.

История народа хунну / Л. Н. Гумилев — «ФТМ»,

«История народа хунну» Льва Гумилева – одна из самых значительных работ этого величайшего российского ученого. Вы спросите, кто они такие, «народ хунну»? Так называли себя те, кого в европейской исторической традиции принято именовать Гунами, кочевой народ, обогативший генофонд едва ли не каждой европейской и азиатской нации. Величайшего из завоевателей «эпохи переселения народов» – царя гуннов Аттилу – помнят все. Но каковы были другие великие полководцы народа хунну, огнем и мечом покорявшие все новые и новые страны? Каковы были жизнь, культура и искусство гуннов? Какую судьбу уготовила им История? Вот лишь немногие из вопросов, ответы на которые вы получите в этой книге...

© Гумилев Л. Н.

© ФТМ

Содержание

Хунну	5
Вступление	5
I. Во мгле веков	10
В древнейшем Китае	10
Зарождение хуннов	11
Природа восточных степей	12
Жуны и хунны	13
Победа Чжоу и ее последствия	14
II. Изгнанники в степи	17
Предыстория хуннов	17
Становление хуннов	20
Открытие Сибири	21
Продвижение хуннов на север	24
Соседи древних хуннов	25
III. На берегах «песчаного моря»	28
Первое вторжение хуннов в Китай	28
Борьба жунов и китайцев	29
Культура плиточных могил	30
О языке хуннов	31
IV. Великая стена	33
Война хуннов с княжеством Чжао	33
Построение великой стены	35
Война хуннов с государством Цинь	36
Падение государства Цинь	37
О древнекитайской методике исторического повествования	38
V. Свистящие стрелы	41
Шаньюй Модэ и возникновение державы Хунну	41
Первая война хунну и хань	42
Кочевые тибетцы-кяны	44
Усуни	44
Устройство державы Хунну	45
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Лев Гумилев

История народа Хунну

Хунну

Вступление

О существовании народа хунну стало известно из китайских источников. Его наименование оказалось гораздо более долговечным, чем сам народ. Оно широко известно, несмотря на то что носители его погибли полторы тысячи лет назад, тогда как названия многих соседних современных хуннам народов знают сейчас только историки-специалисты. Хунны оставили глубокий след в мировой истории. Двинувшись из Азии на запад, они нашли приют в Приуралье у угров. Слившись с ними, они образовали новый народ, который в Европе стал известен под названием гуннов. До сих пор нередко слово «гунн» звучит как синоним свирепого дикаря. И это не случайно, ибо хунны на протяжении тысячи лет выступали не только как созидатели, но часто и как разрушители. *Tempora mutantur et nos mutamur in illis*¹.

Однако наша задача не в том, чтобы хвалить или порицать давно исчезнувшие племена. Мы хотим разобраться, каким образом немногочисленный кочевой народ создал такую форму организации и культуру, которые позволили ему сохранять самостоятельность и самобытность на протяжении многих столетий, пока он не потерпел окончательное поражение и не подвергся полному истреблению. В чем была сила этого народа и почему она иссякла? Кем были хунны для соседей и что оставили они потомкам? Найдя ответы на поставленные вопросы, мы тем самым правильно определим значение хуннов в истории человечества.

* * *

Научный интерес к хуннам, к их истории и этнографическим особенностям впервые возник в Китае. Основателем «хуннологии» можно считать гениального автора «Исторических записок» Сыма Цяня, жившего во II веке до н.э. Он не только составил летопись войны, которую империя Хань вела с хуннами, но и поставил вопрос: почему всюду победоносное китайское оружие не могло сломить кочевых варваров? На это он предлагал остроумный для своего времени ответ: географическое положение, климат и рельеф Китая и Средней Азии настолько различны, что китайцы не могут жить в хуннских степях, так же как хунны не могут жить в Китае, и потому покорение страны иного ландшафта и населения, имеющего непохожий быт, неосуществимо².

Рациональным зерном анализа Сыма Цяня были поиски объективных факторов исторического процесса, но действительность показала несостоятельность географического метода: в I веке до н.э. хунны ослабели, и империя Хань на полвека стала гегемоном в Средней Азии.

Продолжателем Сыма Цяня был талантливый историк конфуцианского направления Бань Гу, написавший «Историю Старшей династии Хань», но он не закончил своего труда, так

---

¹ Времена меняются, и мы меняемся с ними (лат. – Ред.).

² Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М.–Л., 1950. С. 51, 55, 57. Сыма Цянь, сын придворного астролога Сыма Тяня, служил при дворе императора Уди в конце II – начале I века до н.э. Составил книгу «Шицзи» – «Исторические записки», ставшую образцом для дальнейших исторических сочинений. Прозван в Китае, подобно Геродоту, «отцом истории».

как оказался среди друзей одного опального вельможи и поэтому был заточен в тюрьму, где и умер в 92 г. н.э.

Бань Гу рассматривал проблемы покорения хуннов с точки зрения целесообразности и полагал, что включение в состав империи чуждого по культуре народа может быть вредно для Китая. Он считал хуннов настолько далекими от китайской культуры, что не допускал мысли о возможной ассимиляции, и подробно обосновывал необходимость укрепления китайской границы с хуннами даже в мирное время³. Возможно, что позиция историка продиктована тем, что он писал свое сочинение в разгар хунно-китайской войны.

Третья книга, содержащая интересующие нас сведения – «История Младшей династии Хань», – написана уже в V в. н.э. южнокитайским ученым чиновником Фань Хуа. В качестве материала он использовал не дошедшие до нас труды, которые он, по собственному выражению, «обдумывал здраво»⁴. Его сочинение суше и беднее предыдущих, однако благодаря ему Фань Хуа добился высокого положения. Позднее он принял участие в антигосударственном заговоре и был казнен.

Три указанных исторических труда составляют фундамент истории восточноазиатских хуннов. Что же касается западных гуннов, названных так в отличие от своих восточных предков⁵, то первое место принадлежит труду Аммиана Марцеллина⁶, давшего красочное описание этого народа.

Подобно китайским историкам, Аммиан Марцеллин – «солдат и грек» – обратил внимание на несходство гуннов со всеми прочими известными ему народами, в том числе и кочевыми аланами. Безусловно, его описание односторонне⁷, проникнуто ненавистью к пришельцам, но для исследователя важны данные, совпадающие у него с наблюдениями китайских авторов. Именно они дают возможность восстановить облик древнего народа.

Названными авторами исчерпывается первый период «хуннологии», так как история европейских гуннов не входит в рамки намеченной нами темы ни хронологически, ни территориально.

Второй период «хуннологии» начался с XVIII века, когда этой проблемой стали заниматься французы.

В XVIII веке французские миссионеры заинтересовались не только Китаем, где протекала их деятельность, но и северными народами. Гобиль, де Майя и другие, прекрасно владея китайским и маньчжурским языками, составили остроумные переводные компиляции, ознакомившие Европу с историей восточных кочевников. Этими трудами воспользовался профессор Сорбонны Дегинь; он сопоставил китайские данные с византийскими и издал свою капитальную работу о восточных народах⁸. Ныне эта книга устарела.

Сведения ближневосточных источников собрал и обработал Вивьен де Сен-Мартен⁹. Продолжателями дела, начатого французской школой XVIII века, были ученые XIX века – Абель Ремюза, оставивший огромное количество частных исследований, и Клапрот, создавший историко-географический атлас «Tableaux historiques de l'Asie», бывший в свое время весьма ценным обобщением. Новый расцвет исторической науки, посвященной центрально-

---

³ Там же. С. 93–96.

⁴ Там же. С. 18.

⁵ Иностранцев К.А. Хунну и гунны. Л., 1926.

⁶ Аммиан Марцеллин. История III. Кн. XXXI. Киев, 1908.

⁷ Ср. описание гуннского двора у Приска Панийского. Приск встречал потомков азиатских хуннов, а Аммиан Марцеллин описывал их уже в смешении с уграми и другими восточноевропейскими народами – «Сказания Приска Панийского» (Ученые записки Российской академии наук. Кн. VII. Вып. I. СПб., 1861).

⁸ Deguignes J. Histoire des Huns, des Turcs, des Mogols et des autres Tartars occidentaux avant et depuis J. C. jusqu'à present. P., 1756–1758.

⁹ Saint-Martin V. Les Huns blancs ou Ephtalites des historiens bysantins. P., 1849 – Критику выводов Вивьена де Сент-Мартена см.: Гумилев Л.Н. Эфталиты и их соседи в IV веке (ВДИ. 1959. № 1).

азиатским проблемам, наступил во Франции в конце XIX – начале XX века. Это был кульминационный пункт европейского востоковедения. Общие и частные труды Эдуарда Шаванна, Поля Пельо, Анри Кордье и Рене Груссе осветили множество вопросов и дали возможность приступить ко второму, после Дегиня, обобщению накопленного материала. Из исследований немецких ученых надо назвать монументальные работы де Грота¹⁰ и Франке¹¹; сведения, сообщаемые ими, в подавляющем большинстве повторяют то, что имеется во французских и русских исследованиях. Что же касается Фридриха Хирта¹², то его работы о хуннах не выдержали испытания временем и потеряли всякую ценность.

Труды английских и американских ученых занимают в истории науки особое место. Книга Паркера «*Thousand years of the Tartare*» (Shanghai, 1895) написана живо, но лишена ссылочного аппарата, что не дает читателю возможности проверить подчас неожиданные заявления автора. Безусловно ценным вкладом в науку являются монографии Ауреля Стейна, посвященные описанию оазисов бассейна реки Тарим, а также хронологические изыскания Теггарта. Отнюдь небезынтересно исследование О. Латтимора, хотя оно только слегка задевает нашу тему. Но все эти работы для «хуннологии» – лишь вспомогательные, непосредственно же хуннам посвящены книга Мак-Говерна¹³ и статьи Отто Мэнчен-Хелфена¹⁴. Мак-Говерн находится в плену у китайской историографии, воспринятой им некритически. По сути дела, он хорошим английским языком популярно излагает содержание китайских династических хроник. Книга его, ценная как полная сводка источников, использована мною как параллельный перевод китайского текста.

Отто Мэнчен-Хелфен ставит под сомнение достижения русской науки, отрицает преемственность европейских гуннов от азиатских хуннов. Однако его аргументация опровергается при детальном разборе и сопоставлении фактов, и его работы имеют лишь негативное значение.

Итак, многие ученые приняли участие в исследовании интересующего нас вопроса, но первое место в изучении древней истории Срединной Азии уже 100 лет принадлежит русской науке.

Первым русским ученым, поднявшим изучение Центральной Азии на ступень выше современной ему европейской науки, был Н.Я. Бичурин, в монашестве Иакинф. Великолепное знание китайского языка и потрясающая работоспособность позволили ему осуществить перевод почти всех китайских сочинений, относящихся к древней истории Срединной Азии. Его труды, изданные во второй четверти XIX века, до сих пор служат краеугольным камнем для кочевниковедения вообще и истории хуннов, в частности. Не меньшее значение имеют его работы по исторической географии Китая и сопредельных стран. Эти работы не были напечатаны в свое время и начали издаваться только в советский период.

Опубликование Бичуриным китайских источников открыло блестящую эпоху русского востоковедения, хотя некоторые его взгляды и соображения и не подтвердились полностью (например, его мнение, что хунны были монголы).

К обобщению западных и восточных материалов первым приступил В.В. Григорьев, не только арабист и иранист, но и блестящий знаток греко-римской историографии. Используя переводы Н.Я. Бичурина для сравнения с ближневосточными источниками, он построил свод-

---

¹⁰ S.S.M. de Groot. *Chinesische Urkunden zur Geschichte Asiens. Die Hunnen der vorchristlichen Zeit.* Berlin—Leipzig, 1921.

¹¹ Franke Otto. *Geschichte des chinesischen Reiches.* Berlin, 1930.

¹² Hirth Fridrich. *Über Wolga – Hunnen und Hiung-nu.* München, 1900. – Критику этой работы см. в кн.: Иностранцев К.А. *Хунну и гунны.* С. 126–131.

¹³ McGovern W. *The early empires of Central Asia.* L., 1939.

¹⁴ Maenchen-Helfen O. *The Huns and the Hsiung-nu (Byzantion. Vol. XXII, 1945); The legend of origine of the Huns (Byzantion. Vol. XVII, 1945).*

ную работу «Китайский, или Восточный, Туркестан», бывшую в его время исчерпывающим исследованием и вплоть до сего дня не потерявшую ценность.

Но не только кабинетные ученые отдали труды и силы изучению азиатской древности. Не меньшие заслуги выпали на долю отдельных путешественников и Географического общества в целом. Н.М. Пржевальский открыл и описал страны, до тех пор известные только понаслышке. Его ученики П.К. Козлов и В.И. Роборовский завершили замыслы своего учителя и не только посетили, но и описали природу тех стран, где когда-то возник, жил и исчез хуннский народ. За ними последовали М.В. Певцов, братья М.Е. и Г.Е. Грумм-Гржимайло, Г.Н. Потанин, В.А. Обручев и в наше время Э.М. Мурзаев. В ярких и красочных экспедиционных отчетах и дневниках перед читателем встают картины бескрайних степей, горных хребтов, с которых бегут чистые ручьи, раскаленных каменистых и песчаных пустынь, снежных буранов и нежного цветения азиатских весен. Страницы, посвященные охоте, знакомят нас с видами тех же зверей, на которых в древности охотились хунны, а открытие археологических памятников позволяет соприкоснуться непосредственно с материальной культурой далеких времен. Не меньшее значение имеют также их этнографические наблюдения, которые дали материал для классификации не только современных, но и исчезнувших в глубокой древности народов.

В 1896 г. Н.А. Аристов опубликовал в журнале «Живая старина» небольшое по объему, но до предела насыщенное исследование «Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей», в котором видное место уделено древним народам. Продолжателем его дела был знаменитый путешественник Г.Е. Грумм-Гржимайло, посвятивший истории Центральной Азии целый ряд сочинений, из которых наиболее значительное – «Западная Монголия и Урянхайский край». В этом замечательном исследовании подводится итог всем работам русских и европейских историков и географов и критически разбираются все гипотезы и точки зрения, существовавшие в его время. Для историков Средней Азии эта работа Г.Е. Грумм-Гржимайло стала настольной книгой. Но не все вопросы истории Внутренней Азии были в поле зрения Грумм-Гржимайло, который интересовался преимущественно исторической географией, палеоэтнографией и некоторыми вопросами хронологии. Этот пробел восполнен небольшой, но исключительно ценной книгой К.А. Инostrанцева «Хунну и гунны». Содержание этой работы определено ее подзаголовком: «Разбор теорий о происхождении народа хунну китайских летописей, о происхождении европейских гуннов и о взаимных отношениях этих двух народов». Можно с уверенностью сказать, что ни одна из существующих концепций не укрылась от взора автора и его детального разбора. Книги Г.Е. Грумм-Гржимайло и К.А. Инostrанцева вместе содержат квинтэссенцию всей предшествующей науки о хуннах.

Шагом назад была книга А.Н. Бернштама «Очерк истории гуннов». В ней нет последовательного изложения событий и изменений в хуннском обществе, а выводы автора, будучи подвергнуты критике, не выдержали ее¹⁵. Однако эта частная неудача меркнет при сравнении с успехами археологии. Нет необходимости останавливаться на отдельных открытиях и работах, хотя именно они заставили нас полностью отказаться от предвзятой точки зрения, рисовавшей нам древних кочевников грубыми дикарями. Этим вопросам посвящено специальное исследование С.И. Руденко «Материальная культура хуннов». Достаточно указать на монументальную работу С.В. Киселева «Древняя история Южной Сибири», посвященную богатейшей культуре Саяно-Алтая, и на исследование А.П. Окладникова «Неолит и бронзовый век Прибайкалья». Только благодаря этим трудам оказалось возможным проследить историю хуннского народа, установить северную границу его распространения и тем самым уяснить его историческую роль. Он был соперником не только империи Хань в районах, прилегающих к

¹⁵ См.: Советская археология. Т. XVII. 1963. С. 320–326.

Великой китайской стене, как до сих пор представлялось, но и других племен и народов. История хуннов перестала быть придатком истории Китая¹⁶.

Настоящая работа ставит целью выяснение того места, которое хунны занимали во всемирной истории как создатели самостоятельной, хотя и недоразвившейся культуры. В этом аспекте рассматриваются их отношения к китайскому народу и императорам династии Хань; нас интересует их разнообразные взаимоотношения с кочевыми степными племенами и их западные связи, о которых нет прямых указаний в источниках, но которые выясняются из сопоставления имеющихся материалов. Как во всякой сводной работе, в этой книге используются достижения передовой науки.

---

¹⁶ Настоящая книга посвящена исключительно азиатским хуннам, а историю их восточноевропейской ветви читатель найдет в кн.: Артамонов М.И. История хазар. Л., 1960, а также: Altheim Franz. Geschichte der Hunnen. Berlin, 1959.

I. Во мгле веков

В древнейшем Китае

В древности территория Китая была мало похожа на современную. Ее покрывали девственные леса и болота, питавшиеся реками, разливавшимися в половодье, обширные озера, непроходимые солонцы, и только на плоскогорьях расстилались луга и степи.

На востоке между низовьями Хуанхэ (Желтой реки) и Янцзы тянулась цепь зыбучих почв. Современная провинция Хэбэй была огромной дельтой, носившей название «Девятиречье». Дальше от морского берега простирались широкие озера и болота, а реки И и Хуай пропадали в заболоченной долине нижнего течения Янцзы. «Буйная растительность одевала весь бассейн реки Вэйхэ; там росли величественные дубы, всюду виднелись группы кипарисов и сосен. В лесах жили тигры, ирбисы, желтые леопарды, медведи, буйволы, кабаны; вечно выли шакалы и волки»¹⁷.

Борьба с реками испокон веков занимала большое место в жизни китайского народа. В сухое время года они сильно мелели, но стоило пройти дождям в горах, как они вздувались и выходили из берегов. Разлившись, реки теряли скорость течения и откладывали наносы. Одна часть древних насельников Северного Китая ушла от бушевавших вод в горы, где поддерживала свою жизнь охотой, другая же часть вступила в решительную борьбу со стихией рек – это были предки китайцев. Трудлюбивые китайские земледельцы с глубокой древности стали сооружать дамбы, чтобы спасти свою жизнь и свои поля от наводнений. «На территории Китая издавна жили племена с различной культурой, имевшие различных предков. На землях, где они обитали, каждое племя в борьбе с силами природы развивало свою собственную культуру»¹⁸. Эти племена нередко боролись друг с другом. Согласно китайской исторической традиции, уже первая из китайских династий, полупоупендарная Ся, вступила в борьбу с другими племенами, населявшими территорию Китая в III тысячелетии до н.э. Эти племена назывались жуны и ди. Они населяли лесистые горы, тогда как предкам китайцев достались низины. Севернее, в сухих степях, жили племена хунь-юй. Из легенд известно, что в 2600 г. до н.э. «Желтый император» предпринял против них поход. Но главными противниками Ся были не они, а жуны и ди. В китайском фольклоре сохранились отголоски борьбы «черноглавых» предков китайцев с «рыжеволосыми дьяволами»¹⁹. Китайцы выиграли тысячелетнюю войну. Они оттеснили «варваров» в горы, степи и даже южные джунгли, но, как мы увидим ниже, эта победа не была окончательной. Несмотря на успехи, царство Ся владело лишь областью Хэнань и юго-западной частью Шаньси; именно здесь было сосредоточено ядро будущего китайского народа.

В 1764 г.²⁰ до н.э. в Китае в результате переворота вместо династии Ся утвердилась династия Шан, при которой сложились основы древнекитайской цивилизации и оформился древнекитайский народ²¹.

¹⁷ Грумм-Гржимайло Г.Е. Можно ли считать китайцев автохтонами бассейнов среднего и нижнего течений Желтой реки? («Известия Государственного географического Общества», 1933. Отдельный оттиск). С. 29–30.

¹⁸ Фань Вэнь-лань. Древняя история Китая от первобытно-общинного строя до образования централизованного феодального государства. М., 1958. С. 36.

¹⁹ Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Т. II. Гл. 1. Л., 1926.

²⁰ По новым расчетам, эта дата изменена на 1586 г. (см.: «Очерки истории Древнего Востока». Л., 1956. С. 229) или на 1562 г. (?) (см.: Фань Вэнь-лань. Древняя история Китая... С. 45). О степени легендарности сведений о Ся см. также: Lattimore O. Inner Asian frontier of China. New York, 1940. P. 286.

²¹ Фань Вэнь-лань. Древняя история Китая... С. 38–66.

Шан-Инь – это первая вполне историческая династия Китая. С нею связано возникновение первого китайского государства. Многочисленные раскопки восстанавливают картину ее культуры, но политическая история по-прежнему темна. Ясно, что Шан было уже настоящее рабовладельческое государство с наследственной властью и аристократией. Важнейшим культурным достижением этой эпохи было изобретение иероглифической письменности, которое сыграло чрезвычайно важную роль в дальнейшей истории Китая. Развивалась торговля не только с лежащими к северу от Хуанхэ Хэбэем, торговые связи доходили через северо-восток Китая до Байкала и берегов Ангары. Конечно, туда попадали только товары, а не сами китайцы, которые обычно производили обмен с помощью племен-посредников. В Сибирь отправляли металл: олово, бронзу, а из Сибири – зеленый и белый нефрит, драгоценные меха и, возможно, рабов²². Так складывался дальневосточный очаг культуры.

Зарождение хуннов

В XVIII веке до н.э. в Северном Китае произошли два события, имевшие огромные последствия. В 1797 г. китайский вельможа Гун-лю попал в опалу и бежал на запад к жунам. За ним последовали, видимо, немало сторонников, ибо здесь он смог построить для себя городок и властвовать самостоятельно, отделившись от китайского царства Ся. По сообщению источников, Гун-лю «претворился в западного жуна»²³. Однако за 300 с лишком лет совместной жизни эмигранты-китайцы все-таки окончательно не слились с жунами, и в 1327 г. их потомки с князем Шань-фу во главе, гонимые жунами, вернулись на родину и поселились в северном Шэньси (у горы Цишань)²⁴. Из этого вновь сложившегося племени произошла династия Чжоу²⁵. Еще будучи небольшим княжеством, Чжоу воевало против жунов, и в 1140–1130 гг. до н.э. князь Чан «прогнал жун-и от рек Гин и Ло» (в провинции Ганьсу) на север²⁶.

Жуны некоторое время были данниками Чжоу, но приблизительно в X веке до н.э. «степные повинности прекратились и началась упорная война». Жуны стремились вернуть себе потерянные земли; разделение Китая на множество княжеств способствовало их продвижению.

А в это самое время в степи, примыкавшей к южной окраине Гоби, складывался новый народ – хунны. Издавна там кочевали племена хяньюнь и хуньюй. Ни те ни другие не были хуннами²⁷. В ту эпоху хуннов еще не было. Но после того, как была низвергнута династия Ся, сын последнего царя Цзе-куя, умершего в изгнании, – Шун Вэй – с семейством и подданными ушел в северные степи²⁸. Шун Вэй, по китайской исторической традиции, считается предком хуннов. Согласно этой традиции, хунны возникли из смешения китайских эмигрантов и степных кочевых племен. Несомненно, что эти легендарные сведения лишь очень приблизительно отражают историческую действительность. Однако было бы неправильно отрицать в них рациональное зерно. Хотя и делались попытки отвергнуть существование периода Ся на том основании, что в записях эпохи Шан нет упоминаний о предшествующей династии, но самые скептические исследователи китайской древности, как, например, Го Можо, а также Латтимор, признавая

---

²² Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Ч. III. М.; Л., 1955. С. 200–202.

²³ Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена Т. I. М.; Л., 1950. С. 40.

²⁴ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. III. М.; Л., 1953. С. 67.

²⁵ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. I. С. 41.

²⁶ Там же.

²⁷ См.: Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия... С. 80, где опровергнуты противоположные мнения Шаванна и Сиратори.

²⁸ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. I. С. 40.

легендарность рассказов о Ся, считают, что эта династия была²⁹, что в древности «Ся» значило «Китай»³⁰ и что границы ее совпадают с границами неолитической культуры черной керамики³¹. Далее, Латтимор отмечает огромное различие между культурами Ся и Шан и предполагает даже частичную синхронность их существования³². Таким образом, можно допустить, что произошло столкновение двух племен и одно из них победило. Еще более вероятно, что в результате поражения часть побежденных бежала за пределы родной страны, захваченной врагом, и нашла приют у соседних племен.

Но кто же были эти загадочные племена хяньюнь и хуньюй, с которыми смешались соратники Шун Вэя? Окраину Гоби в древности китайцы называли «песчаной страной Шасай»³³ и считали родиной динлинов. По данным антропологии, здесь в это время метизировались европеоидный короткоголовый тип с монголоидным узколицым, т.е. китайским³⁴. Монголоидный широколицый тип был распространен в то время на север от Гоби.

Мы вправе сделать заключение, что ханьюнь и хуньюй были потомками аборигенов Северного Китая, оттесненных «черноголовыми» предками китайцев в степь еще в III тысячелетии до н.э. С этими племенами смешались китайцы, пришедшие с Шун Вэем, и образовался первый прахуннский этнический субстрат, который стал хуннским лишь в последующую эпоху, когда прахунны пересекли песчаные пустыни. Тогда на равнинах Халхи произошло новое скрещивание, в результате чего возникли исторические хунны. До тех пор они назывались ху, т.е. степные кочевники. Итак, хунны были первым народом, победившим пустыни. А для этого надо было обладать мужеством и упорством.

Природа восточных степей

Срединная Азия окружена горами со всех сторон. С северо-запада мощный хребет Саяно-Алтая отделяет ее от холодной и влажной лесной Сибири. Полоса пустыни (Гоби), как море, делит Срединную Азию пополам, и недаром китайцы называли эту пустыню Ханьхай-море. Пржевальский описывает Гоби так: «По целым неделям сряду перед глазами путника являются одни и те же образы: то неоглядные равнины, отливающие [зимою] желтоватым цветом иссохшей прошлогодней травы, то черноватые, изборожденные гряды скал, то пологие холмы, на вершине которых иногда рисуется силуэт быстроногой антилопы»³⁵. Кроме антилоп, Гоби – обиталище диких верблюдов, живших там еще в XIX веке, и огромного количества грызунов. Для древних китайцев эта пустыня казалась непроходимой.

На юго-востоке граница Срединной Азии – хребет Иньшань (меридиональное продолжение Большого Хингана) и примыкающие к нему горы Ляоси. На склонах этих гор некогда росли густые леса, полные дичи, рогатой и пернатой. С севера Иньшань граничит со степью.

К западу от излучины Хуанхэ расстилается пустыня Алашань. Пржевальский пишет: «На многие десятки, даже сотни километров мы видим здесь голые, сыпучие пески, всегда готовые задушить путника своим палящим жаром или засыпать песчаным ураганом. В них нет ни капли воды; не видно ни зверя, ни птицы, и мертвое запустение наполняет ужасом душу забредшего сюда человека»³⁶. С юга пустыню замыкает высокая горная система хребтов Нань-

---

²⁹ См.: Lattimore O. Inner Asian... P. 286.

³⁰ Ibid. P. 300; Фань Вэнь-лань. Древняя история Китая... С. 135.

³¹ Lattimore O. Inner Asian... P. 302. Фань Вэнь-лань считает, что эпохе Ся соответствовала луншанская культура (см.: Фань Вэнь-лань. Древняя история Китая... С. 43–44).

³² Lattimore O. Inner Asian... P. 300.

³³ Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия... С. 11.

³⁴ Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР. М.; Л., 1948. С. 82.

³⁵ См.: Берг Л.С. Путешествия Н.М. Пржевальского. М.; Л., 1952. С. 13.

³⁶ Там же. С. 20.

шань. На западе лежит богатый оазис Дуньхуан, и от него начинается караванный путь на Хамийский оазис. Путь этот исключительно тяжел. Яркое описание его дал Пржевальский: «По дороге беспрестанно валяются кости лошадей, мулов и верблюдов. Над раскаленной почвой висит мутная, словно дымом наполненная атмосфера. Часто пробегают горячие вихри и далеко уносят столбы крутящейся пыли. Впереди и по сторонам путника играют миражи. Жара днем невыносимая. Солнце жжет с восхода до заката. Оголенная почва нагревалась до 63°, а в тени было не меньше 35°. Ночью также не было прохлады, но двигаться по этому пути можно было лишь ночью и ранним утром»³⁷. Алашаньскую пустыню китайцы называли «заливом» или «бухтой Песчаного моря» (Гоби). Это песчаное море веками было непроходимой преградой между Востоком и Западом. Но эта преграда не испугала хуннов.

Жуны и хунны

События этого первого периода истории хуннов, как и второго (с 1200 по 214 г. до н.э.), не нашли достаточного отражения в китайской историографии. И понятно почему. Горные жуны были промежуточным звеном между степями и цивилизованным Китаем. Они держали в своих руках широкую полосу предгорий от оазиса Хами на западе³⁸ до Хингана на востоке. Многочисленные племена их «рассеянно обитали по горным долинам, имели своих государей и старейшин, нередко собирались в большом числе родов, но не могли соединиться»³⁹. Вполне вероятно, что степняки-хунны иногда принимали участие в походах своих соседей и только таким образом китайцы узнавали об их существовании. Поэтому сведения о хуннах древнего периода отрывочны. Последнее же вызвало возникновение разных гипотез, отождествлявших хуннов то с хяньюнь и хуньюй⁴⁰, то с самими шаньжунами⁴¹, причем забывалось, что хунны были степняки, а не горцы.

В связи со всем сказанным вскрывается загадочный этноним жун. Из-за описки или неточного выражения Сыма Цяня были попытки отождествить жунов с хуннами⁴², но мы видим, что всюду в источниках жуны выступают совместно с ди⁴³, так что их, может быть, правильно Бичурин трактует в своем переводе как единый народ – жун-ди. Больше того, есть легенда, согласно которой чиди и цюань-жуны были одного происхождения⁴⁴. Жуны и ди, по-видимому, так мало отличались друг от друга, что китайцы называли некоторые роды ди западными жунами⁴⁵. Самое восточное племя их, обитавшее на склонах Хингана и Иньшаня, носило название шаньжун, или горные жуны. Будучи отрезаны от основной массы своего народа, горные жуны слились частью с восточными монголами – дунху⁴⁶, частью – с хуннами. Не менее интенсивно сливались они с китайцами⁴⁷, а на западе – с тибетцами. В последнем случае они превращались в донныне существующий народ – тангутов. Таким образом, существование осо-

³⁷ Там же. С. 45–46.

³⁸ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. III. С. 57.

³⁹ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. I. С. 43.

⁴⁰ Там же. С. 39.

⁴¹ Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия... С. 85; Chavannes Ed. Les memoires historiques des Sst-ma Th'ien. P., 1899. P. 31; Wylie. History of the Hiung-noo in their relations with China (Journal of the Anthropol. Institute of Gr. Britan and Ireland 1874. №9). P. 401.

⁴² Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. I. С. 39. Ср.: «Цзиньшу», гл. 97, в которой указана граница между хуннами (сюнну) и шестью жунскими племенами (Бернштам А.Н. Очерки истории гуннов. Л., 1951. С. 219. Опубликованный текст).

⁴³ Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия... С. 45.

⁴⁴ Там же. С. 15.

⁴⁵ Там же. С. 45.

⁴⁶ Там же. С. 85.

⁴⁷ Там же. С. 45–46. – Ссылка на ст.: Васильев В.П. Об отношениях китайского языка к среднеазиатским (Журнал Министерства народного просвещения. 1872. Сентябрь); Фань Вэнь-лань. Древняя история Китая... С. 136.

бой расы в Китае перестает быть загадкой: тангуты в древности имели значительно большее распространение, чем теперь, когда они сохранились как небольшой этнический островок около озера Кукунор.

Приведенная точка зрения расходится с той, которую высказывают европейские и американские историки. В частности, Мак-Говерн считает жунов и ди хуннами⁴⁸, удивляясь лишь, что этнографические особенности тех и других не совпадают. Подробный и обстоятельный разбор этой темы дан у Латтимора⁴⁹, который приходит к выводу, что жуны и ди обитали внутри Китая и были оседлые горцы, а не степные кочевники, т.е. отнюдь не хунны, но о расовой их принадлежности он не говорит ничего.

Совершенно игнорирует жунскую проблему Н.Н. Чебоксаров⁵⁰, не замечая, что это лишает его возможности правильно решить вопрос об этногенезе китайцев. Достаточную определенность вносит цитата из «Цзинь шу» (гл. 97), в которой указано, что хунны на западе граничат с шестью жунскими племенами⁵¹, т.е. ясно подчеркнуто различие этих народов.

Однако все авторы затрудняются определить отличие жунов и ди от китайцев внутри Китая и от хуннов вне его, тогда как из анализа исторических событий ясно, что это отличие было очевидно для современников. Тут полностью решает вопрос так называемая «динлинская» теория Грумм-Гржимайло. Это было расовое отличие, которое древнекитайские авторы еще не могли или не считали нужным подчеркнуть⁵².

Победа Чжоу и ее последствия

Княжество Чжоу было расположено на территории современной провинции Шэньси и имело среди своих подданных немало воинственных жунов и привыкших к пограничным схваткам китайцев. В то самое время, когда ахейцы разоряли Трою, а хунны пересекали Гоби, чжоуский царь Вэнь-ван «силами белокурых [и черноволосых] варваров совершал завоевания между морем и тибетским нагорьем»⁵³. Своему сыну он оставил множество воинов, которые «имели сердца тигров и волков», и завещал покорить державу Шан-Инь⁵⁴.

Сын его У-ван начал войну и дошел до реки Хуанхэ, но был отбит. Два года спустя, в 1027 г. до н.э.⁵⁵, он повторил поход и на этот раз удачно: держава Шан-Инь пала. Много побежденных было обращено в рабство и пожаловано чжоуским военачальникам и чиновникам, причем жаловали целыми родами. Множество рабов было взято из числа восточных (и) и южных (мань) соседей державы Шан-Инь. Чжоуский царь овладел всем междуречьем и обоими берегами великих рек Хуанхэ и Янцзы.

По поводу падения династии Шан существуют три абсолютно не совпадающих мнения. В европейской науке принято считать, что шанское царство было разрушено нашествием чжоуских племен, вторгшихся с запада в долину Хуанхэ. Феодалная китайская историография полагала, что Шан была выродившейся династией и переворот 1066 г. до н.э., приведший к власти династию Чжоу, был шагом по пути прогресса. Наконец Го Можо, считая эту точку зрения тенденциозной апологией насильственного захвата власти чжоусцами, подчеркивает,

⁴⁸ McGovern W. The early empires of Central Asia. L., 1939. P. 87, etc.

⁴⁹ Lattimore O. Inner Asian... P. 340–349.

⁵⁰ Чебоксаров Н.Н. К вопросу о происхождении китайцев // Советская этнография. 1947. № 1. С. 30–70.

⁵¹ См.: Бернштам А.Н. Очерки истории гуннов. С. 219. (Опубликованный текст «Цзинь шу»).

⁵² См.: Гумилев Л.Н. Динлинская проблема // ИВГО. 1959. № 1.

⁵³ Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия... С. 69.

⁵⁴ Там же. С. 16.

⁵⁵ По исправленной хронологии – в 1066 (см.: Фань Вэнь-лань. Древняя история Китая... С. 72).

что переворот привел лишь к раздроблению и упадку Китая⁵⁶. Чжоу состояло из 1855 самостоятельных княжеств-уделов, признававших господство царя лишь номинально.

Эту эпоху некоторые историки считают началом китайского феодализма⁵⁷.

Раздел страны на множество княжеств не отвечал нуждам населения; разве могли мелкие князья организовывать работы по мелиорации и укреплению берегов рек? Хозяйство, естественно, пришло в упадок.

Изменилась и идеология: «чжоусцы, затемнив представление о Шан-ди, высшем богомироправителе, внесли в обновленную религию натурализм и культ героев»⁵⁸ и уничтожили существовавшие человеческие жертвоприношения⁵⁹. Произошло этническое смешение, в результате которого у китайцев иногда стали встречаться высокие носы и пышные бороды⁶⁰.

Талантливый и трудолюбивый китайский народ упорно стремился к порядку и покою, а этого невозможно было достичь при политической раздробленности. Правительство царя было бессильно против нее. Но с течением времени отдельные княжества стали укрупняться за счет своих соседей. В период Чуньцю («Весны и Осени», 722–480 гг.) осталось всего 124 больших княжества, а в следующий период Чжаньго («Брани царств», или «Воюющих царств», 403–221 гг.) осталось только семь крупных и три маленьких княжества. Эта эпоха нашла отражение в географическом трактате «Юйгун», представляющем раздел классической книги «Шаншу». Написание его относится предположительно к периоду «Весны и Осени», когда уже существовали связи северокитайских государств с территорией современной провинции Сычуань; в последней велись разработки железных руд, о чем в «Юйгуне» есть упоминания⁶¹.

В «Юйгуне» Китай подразделяется на девять районов, расположенных между средним течением Хуанхэ и Янцзы и на побережье к югу от устья Янцзы, включая Гуандун. На юге автор «Юйгуна» знает Аннам, но западные области: Тибет, Цинхай, Сиан, Ганьсу, Юньнань и Гуйчжоу – ему неизвестны. «Сильные и храбрые варвары, – как их называет автор „Юйгуна“, – укрыты горами, лесами и пустынями», отделили восточный центр культуры от западного средиземноморского и южного индийского надолго и прочно.

Но кто же были «варвары», отделявшие Восток от Запада? Ими не могли быть хунны, жившие в это время гораздо севернее, в стороне от караванных путей.

Некоторый свет на этот запутанный вопрос проливают западные античные источники, в частности Птолемей⁶². Птолемей на территории современного Китая помещает два разных народа: синов и серов. Сины помещены южнее серов и названа их столица – Тина, лежащая в глубине от порта Каттигары.

Карта Птолемея столь приблизительна, если не сказать фантастична, что идентификация географических названий крайне затруднительна. Однако для нас существенно другое: сины, несомненно, подлинны китайцы Цинь и не отождествляются с серами, поставлявшими шелк-серикум в Парфию и Римскую империю. Серы упоминаются раньше, чем сины, и в другой связи. Так, греко-бактрийский царь Эвтидем около 200 г. до н.э. расширил свои владения на востоке «до владений фаунов и серов»⁶³. Впоследствии, когда установилась торговля шелком

⁵⁶ Го Можо. Эпоха рабовладельческого строя. М., 1956.

⁵⁷ Фань Вэнь-лань. Древняя история Китая... С. 69; см.: Tôkei F. Sur le terme nong-fou dans le Che-king (Acta Orientalia. 1955. Vol. V). P. 123–141.

⁵⁸ Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия... С. 35; De Harles. Les religions de la Chine (Le Muséon. 1891. Vol. X).

⁵⁹ Фань Вэнь-лань. Древняя история Китая... С. 100.

⁶⁰ Грумм-Гржимайло указывает, что многие китайские императоры имели орлиный профиль и пышную бороду. Справедливо. В «Троецарствии» описаны многие герои точно так же, а один из них, рыжебородый Сунь Цюань, даже носил прозвище «голубоглазый отрок» (Ло Гуань-чжун) (см.: «Троецарствие». Т. I. М., 1954. С. 369).

⁶¹ См.: Зайчиков В.Т. Важнейшие географические труды древнего Китая // Известия Академии наук СССР. Серия географическая. 1955. № 3.

⁶² Томсон Дж.О. История древней географии. М., 1953. С. 437–439.

⁶³ Там же. С. 253. Фауны-кяны – тибетские племена, кочевавшие в бассейне Яркенд-дарьи (см.: Maenchen-Helfen O.

по великому караванному пути, название «серы» применялось к поставщикам шелка в бассейне Тарима, а не к самим китайцам⁶⁴.

Следующее, еще более важное сообщение о серах, которое Томсон расценивает как «нелепое»⁶⁵, основано на рассказе цейлонских послов. Согласно их словам, серы – рослые рыжеволосые и голубоглазые люди, живущие за «Эмодом», т.е. за Гималаями. Это сведение отвергает как невероятное Юль⁶⁶, но совершенно напрасно, ибо Псевдо-Арриан (Перикл Эритрейского моря, § 39, 49, 64) упоминает пути из страны серов в Бактрию и оттуда к индийским гаваням⁶⁷. Таким образом, нет ничего удивительного в том, что цейлонцы встречали серов. Территория «Серики», согласно сводке, сделанной Томсоном, простирается от Кашгара до Северного Китая, к северу от «баутов», т.е. тибетцев-богов⁶⁸. Это территория, занятая племенами ди, которых мы имеем право отождествить с серами как по территориальному, так и по физическому признакам.

Pseudohuns // *Central Asiatic Journal*. Vol. I. № 2. P. 102–103; Tarn W.W. *The Greeks in Bactria and India*. Cambridge, 1950. P. 84–85; Гумилев Л.Н. Терракотовые фигуры обезьян из Хотана // *Краткие сообщения Государственного Эрмитажа*. Л., 1959. № 16.

⁶⁴ Гумилев Л.Н. Терракотовые фигуры обезьян из Хотана; см. также: Soothill. *China and West*. L., 1925; Yule-Cordier. *Cathay and Way Thither*. L., 1915.

⁶⁵ Томсон Дж.О. *История древней географии*. С. 427.

⁶⁶ Yule-Cordier. *Cathay...* P. 200.

⁶⁷ Томсон Дж.О. *История древней географии*. С. 428.

⁶⁸ Там же. С. 431.

II. Изгнанники в степи

Предыстория хуннов

При изучении древнейшего периода истории хуннов неожиданное значение приобретает вопрос о древнем населении Сибири и его ареале. Как будет показано ниже, хунны впервые упоминаются в китайской истории под 1764 г. до н.э. Следующие упоминания о них идут под 822 и 304 гг. до н.э. Почти полторы тысячи лет истории хуннов остаются в глубокой тени. Чтобы приблизиться к освещению этого периода, мы должны обратиться к археологии Сибири.

Во II тысячелетии до н.э. в Южной Сибири археологи различают две синхронные самостоятельные культуры: глазковскую на востоке и андроновскую на западе. «На территории Прибайкалья обитала группа родственных друг другу племен, которые могли быть скорее всего предками современных эвенков, эвенов или юкагиров. Культура их... была чрезвычайно близка к культуре обитателей верховьев Амура и Северной Маньчжурии, а также Монголии, вплоть до Великой китайской стены и Ордоса. Не исключено, следовательно, что вся эта обширная область была заселена родственными друг другу по культуре племенами охотников и рыболовов неолита и ранней бронзы... вероятно, говорившими на родственных друг другу племенных языках»⁶⁹. Позднее с южной частью этих племен – носителей глазковской культуры – столкнулись и перемешались некоторые предки хуннов⁷⁰. Западную половину Южной Сибири и Казахстан до Урала занимала с 1700 по 1200 г. до н.э. андроновская культура. Носители ее, принадлежавшие к белой расе, в XVIII веке до н.э. овладели Минусинской котловиной и чуть-чуть не сомкнулись с глазковцами на Енисее⁷¹. Андроновцы были земледельцами и оседлыми скотоводами⁷²; из металлов они знали бронзу, в их могилах сохранились многочисленные изящно орнаментированные глиняные сосуды. Андроновская культура связана с западом. «Неоднократно отмечалось большое сходство андроновских памятников со срубными нижневолжских, донских и донецких степей»⁷³. Но не андроновцы и не глазковцы играли первую роль в Южной Сибири во II тысячелетии до н.э.

Выше мы уже говорили о динлинах, обитавших в «песчаной стране Шасай», т.е. на окраине Гоби⁷⁴. Они же населяли Саяно-Алтайское нагорье, Минусинскую котловину и Туву. Тип их «характеризуется следующими признаками: рост средний, часто высокий, плотное и крепкое телосложение, продолговатое лицо, цвет кожи белый с румянцем на щеках, белокурые волосы, нос, выдающийся вперед, прямой, часто орлиный, светлые глаза»⁷⁵. Эти выводы, построенные на основании письменных источников, нашли себе подтверждение и в археологии. Саяно-Алтай был родиной афанасьевской культуры, датирующейся приблизительно с 2000 г. до н.э. Антропологически афанасьевцы составляют особую расу. Они имели «резко выступающий нос, сравнительно низкое лицо, низкие глазницы, широкий лоб – все эти признаки говорят о принадлежности их к европейскому стволу. От современных европейцев афанасьевцы отличаются, однако, значительно более широким лицом. В этом отношении они

---

⁶⁹ Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Ч. III. М.; Л., 1955. С. 8.

⁷⁰ Там же. С. 9–10.

⁷¹ Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951.

⁷² Грязнов М.П. Памятники карасукского этапа в Центральном Казахстане // Советская археология. 1952. Т. XVI.

⁷³ Киселев С.В. Древняя история... С. 100.

⁷⁴ Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Т. II. Л., 1926. С. 11.

⁷⁵ Там же. С. 34–35.

сходны с верхне-палеолитическими черепами Западной Европы, т.е. с кроманьонским типом в широком смысле этого термина»⁷⁶.

Наследниками афанасьевцев были племена тагарской культуры, дожившей до III века до н.э.⁷⁷. Это заставляет думать, что афанасьевцы-динлины пронесли свою культуру через века, несмотря на нашествия иноплеменников.

Около 1200 г. в Минусинских степях андроновскую культуру вытеснила новая, карасукская, принесенная переселенцами с юга из Северного Китая⁷⁸, с берегов Желтой реки. Впервые в Западную Сибирь проникает китайский стиль. Это не просто заимствование. Вместе с новой культурой в могильниках появляется новый расовый тип – смесь монголоидов с европеоидами, причем европеоиды брахикранны, а монголоиды узколицы и принадлежат к «дальневосточной расе азиатского ствола»⁷⁹. Такая раса сложилась в Северном Китае в эпоху Яншао. Внешне представители ее напоминают современных узбеков, которые тоже являются продуктом смешения европеоидного и монголоидного компонентов. На месте они перемешались в свою очередь, но для нас особенно важно отметить, что «в Южную Сибирь переселился уже смешанный народ. К узколицам южным монголоидам примешан европеоидный брахикранный тип, происхождение коего неясно, так же как и место его в систематике»⁸⁰.

Напрашивается сопоставление этого загадочного брахикранного европеоидного элемента, пришедшего из Китая, с ди. Но наличие европеоидного элемента разных типов в Сибири и Китае заставляет решать вопрос так: ди и динлины – народы европейского расового ствола, но различных расовых типов; сходные, но не идентичные⁸¹.

Г.Е. Грумм-Гржимайло, отождествлявший ди и динлинов, отмечал: «Длинноголовая раса, населявшая Южную Сибирь в неолитическую эпоху, едва ли имела какую-либо генетическую связь с племенами ди, т.е. динлинами (?), жившими, как мы знаем, с незапамятных времен в бассейне Желтой реки. Скорее в ней можно видеть расу, остатки которой и до настоящего времени сохранились на дальнем востоке Азии (айны. – Л.Г.)»⁸². Но динлинами китайцы считали именно эту длинноголовую расу, а Саянские горы называли «Динлин»⁸³. Динлины исчезли с исторической арены в середине II века н.э., а дили – степная группа ди – вступили в нее в IV веке. И надо полагать, что енисейские кыргызы были связаны именно с аборигенами Сибири, динлинами, а не с пришлыми с юга ди. Южная ветвь динлинов, кочевавшая к югу от Саянских гор, перемешалась с предками хуннов, и не случайно китайцы внешним отличительным признаком хуннов считали высокие носы. Когда Ши Минь приказал перебить всех хуннов до единого, в 350 г. «погибло много китайцев с возвышенными носами»⁸⁴.

---

⁷⁶ Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР. М.; Л., 1948. С. 65.

⁷⁷ Киселев С.В. Древняя история... С. 301; Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР. С. 128.

⁷⁸ Киселев С.В. Древняя история... С. 114–116.

⁷⁹ Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР. С. 83.

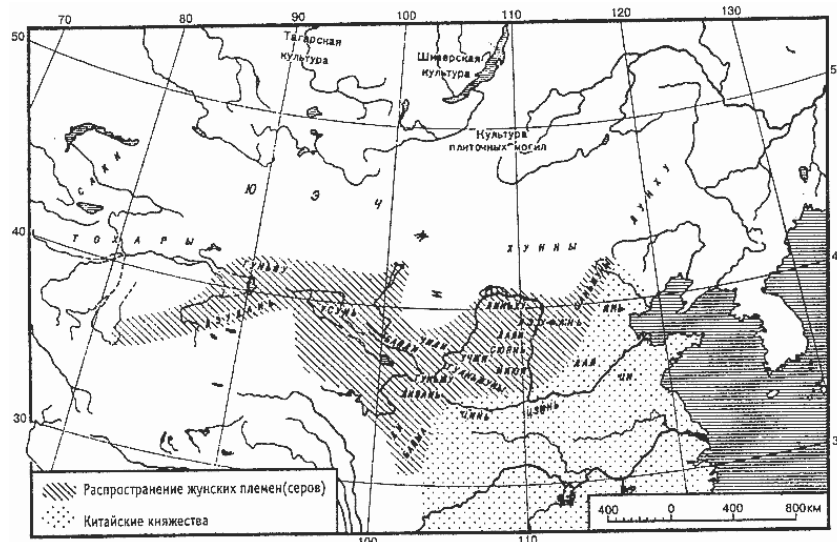
⁸⁰ Там же.

⁸¹ Гумилев Л.Н. Динлинская проблема // ИВГО. 1959. № 1.

⁸² Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия... С. 43.

⁸³ Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М.; Л., 1950. С. 107.

⁸⁴ Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия... С. 15.

Распространение племен в Срединной Азии около VII в. до н.э

* * *

Итак, динлины были тем народом, с которым смешались пришедшие с юга предки хуннов.

Китайская история сохранила описание жизни ху, предков хуннов⁸⁵, в доисторический период их жизни. Это тем более интересно, что в этом описании ху мало похожи на исторических хуннов по социальному строю, но близки к ним по бытовым черточкам.

В древности, по-видимому, никакого государственного устройства у хуннов не было. Отдельные семьи кочевали по степи со стадами, состоявшими из лошадей, крупного и мелкого рогатого скота и в меньшей степени верблюдов и ослов.

Кочевой быт отнюдь не предполагал беспорядочного блуждания по степи. Кочевники передвигались весной на летовку, расположенную в горах, где пышная растительность альпийских лугов манила к себе людей и скот, а осенью спускались на ровные малоснежные степи, в которых скот всю зиму добывал себе подножный корм. Места летовок и зимовок у кочевников строго распределялись и составляли собственность рода или семьи. Так было и у хуннов.

Однако необходимо отметить, что Сыма Цянь⁸⁶, быть может, отнес в глубокую древность некоторые черты хуннского быта, привычные для него настолько, что он не представлял, чтобы могло быть иначе. Думается, что он преувеличил роль кочевого скотоводства в экономике ху, но отрицать полностью скотоводство у степняков Внутренней Монголии эпохи неолита было бы неосновательно. Вопрос лишь в том, до какой степени это скотоводство было кочевым.

Наиболее важны для характеристики этого периода истории хуннов следующие замечания: «Могущие владеть луком все поступают в латную (!) конницу... каждый занимается воинскими упражнениями, чтобы производить набеги... Сильные едят жирное и лучшее; устаревшие питаются остатками после них. Молодых и крепких уважают, устаревших и слабых мало почитают... Обыкновенно называют друг друга именами; прозваний и проименований (родовых. — Л.Г.) не имеют»⁸⁷.

Все это свидетельствует о каком-то ослаблении родовых связей, о господстве физической силы над обычаем и традициями. Особенно важно, что в эпоху родового строя источник отме-

⁸⁵ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. I. С. 40.

⁸⁶ См. сноску 2 к Вступлению.

⁸⁷ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. I. С. 40.

чает отсутствие родовых прозваний, тогда как для поздней исторической эпохи он ясно констатирует полное торжество родовых взаимоотношений (см. ниже). Можно предположить, что вышеприведенные замечания относятся к какому-то периоду, когда предков хуннов связывала не общность происхождения, а общность исторической судьбы.

Но ослабление родовых связей должно было иметь свои причины тем более потому, что наряду с указанными явлениями мы наблюдаем институты и обычаи, бесспорно относящиеся к родовому строю. Например, формой брака была не парная семья, а многоженство, причем жены переходили в число прочего имущества по наследству: мачехи к сыну, невестки к брату, что характерно для патриархально-родового строя. Было бы неверно рассматривать это только как приниженное положение женщины; часто форма брака гарантировала женщину от нищеты в случае вдовства, так как новый муж обязан был предоставить ей место у очага и долю в пище и не мог бросить ее на произвол судьбы. Все вместе указывает на какой-то прерванный исторический процесс, протекавший скорее всего еще тогда, когда хунны жили внутри Китая.

Сверим изложенное с данными археологии.

Шведской экспедицией 1927–1937 гг. во Внутренней Монголии открыта культура неолита, причем поздний этап ее датируется «временем около 2000 г., если не позже»⁸⁸. Эта культура резко отличается от неолита Северного Китая, с «которым она имела только известный контакт»⁸⁹.

Вывод напрашивается сам. Неолитическая культура принадлежала тем степным охотничьим племенам, к которым бежали из Китая сначала разбитые ди, а потом их низвергнутые победители – сторонники династии Ся. Подтверждается указанный вывод тем, что «повсюду обнаруживается много инфильтраций северокитайской неолитической культуры». Попытка реконструкции быта неолитического населения приводит к заключению, что это были охотники, рыболовы и собиратели, жившие в постоянных поселениях вдоль рек и озер.

Итак, древние ху, принявшие в свою среду две волны изгнанников из Китая, по согласным указаниям нарративных и вещественных источников, были народом весьма примитивным, лишенным государственной организации и еще не имевшим даже потребности в ней. Заслуга их перед культурой лишь в том, что, освоив кочевое скотоводство, они сумели перебраться через пустыню – песчаное море Гоби, т.е. открыли Сибирь, как их современники-финикийцы, научившись плавать по морю, открыли Европу. Оба открытия были важны для судеб истории, и трудно сказать, какое из них более значительно. Так как археология подтверждает, насколько ей под силу, данные китайских хроник, мы должны со вниманием отнестись и к той их части, которая по самой своей природе не может найти археологических подтверждений, т.е. к описанию брачных обычаев и непочтительного отношения к старшим. Данные хроник говорят об отсутствии семейных традиций, а к этому может привести лишь резкое ухудшение условий жизни, когда все слабое обречено на гибель. Бедность, постигшая предков хуннов, была такова, что все силы уходило на поддержание физического существования, и традиции умирали вместе со стариками.

Становление хуннов

Нам ничего не известно о войнах между кочевниками ху и государством Шан-Инь. Однако археологический материал указывает на тесное общение Китая и степняков в эту эпоху. Не исключена возможность, что крупных столкновений между ними не было, так как, с одной стороны, «варвары» еще были слабо организованы, а с другой – и у тех и у других был общий враг – растущая мощь княжества Чжоу.

---

⁸⁸ Окладников А.П. Новые данные по древнейшей истории внутренней Монголии // ВДИ. 1951. № 4. С. 173.

⁸⁹ Там же. С. 172.

Для степных народов, не меньше чем для самого Китая, торжество чжоуского вана оказалось событием, определившим их историю. Еще до восстания княжество Чжоу было заслоном Китая против северных племен. Около 1158 г. Вэнь-ван напал на хяньюней и «устрашил их»⁹⁰. У-ван, постоянно сражаясь, покорил северных «варваров», т.е. жунов, и, видимо, так стеснил степных ху, что они сочли за благо удалиться от китайской границы, а путь был только один – на север.

Необходимо отметить, что хунны XII века до н.э. весьма значительно отличаются от своих предков. Дегинь, опираясь на Сыма Цяня, считает, что «около 1200 г. до н.э. мы должны помещать создание хуннского царства»⁹¹. Эту дату принимает и Кордье⁹². В это время хунны населяли степи от Хэбэя до озера Баркуль и уже делали набеги на Китай. Описание их быта и порядков показывает на значительный прогресс. «Они не имеют домов и не обрабатывают землю, а живут в шатрах... Они уважают старших и в установленное время года собираются, чтобы упорядочивать свои дела»⁹³. Поэтому отнюдь не удивительно, что, переправившись через пустыню, они получили перевес над разрозненными носителями глазковской и андроновской культур.

Открытие Сибири

Вторая дата хуннской предыстории, нащупанная археологами, – приблизительно 1200 г. до н.э. Около этой даты, как уже отмечалось, совершился первый переход южных кочевников через пустыню Гоби; с того времени пустыня стала проходимой, и хунны освоили оба ее края⁹⁴.

Прежде всего возникает вопрос, почему именно в этот период переход через «песчаное море» оказался возможным. По-видимому, хуннское кочевое скотоводство развилось уже настолько, что хунны в поисках пастбищ двинулись на север, причем это же самое скотоводческое хозяйство обеспечило их достаточной тягловой силой. Наскальная писаница запечатлела тот «корабль», на котором предки хуннов перебрались через «песчаное море». Это крытая кибитка на колесах, запряженная волами, ибо для лошадей она слишком тяжела и неуклюжа⁹⁵. Изложенное предположение будет верно, но недостаточно. Нельзя также пройти мимо перемены климата на рубеже II тысячелетия до н.э. и связанных с ним изменений в распределении ландшафтов. Возможно, что именно в это время начался процесс похолодания и небольшого увлажнения климата, закончившийся к середине I тысячелетия до н.э. Засушливый ксеротермический период стал заменяться субатлантическим влажным, и соответственно должны были сдвинуться границы пустыни Гоби. В тот период должно было увеличиться и число озер, тянувшихся поясом от нижнего Поволжья, через Казахстан и Монголию, до Хингана (сухость климата и озерность – взаимосвязанные географические явления)⁹⁶. Вместе с этим «таежное море» начало наступление на юг. Лесостепи превратились в дремучие чащи, и это подорвало экономическую базу обитателей Сибири. Обстоятельства сложились в пользу южных кочевников, которые сумели ими воспользоваться. Письменные источники не сохранили следов тысячелетней борьбы за степь, но к III веку до н.э. хунны уже были хозяевами всех степных пространств от пустыни Гоби до сибирской тайги. На берегах Енисея и Абакана рядом с бревенчатой избой появилась круглая юрта кочевника. Вместе с культурным произошло и расовое смешение: в эту эпоху, именуемую карсукской, в погребениях начинает появляться монголо-

---

⁹⁰ McGovern W. The early empires of Central Asia. L., 1939. P. 91.

⁹¹ Deguignes Y. Histoire des Huns, des Turcs, des Mogols et des autres Tartares occidentaux avant et depuis, J.C. jusqu'à present. Vol. I. P., 1758. P. 216.

⁹² Cordier H. Histoire générale de la Chine. Vol. I. P., 1920. P. 205.

⁹³ Цит. по кн.: Cordier H. Histoire générale de la Chine. Vol. I. P. 205.

⁹⁴ См.: Киселев С.В. Древняя история... С. 147.

⁹⁵ Там же. С. 161.

⁹⁶ Мурзаев Э. Северо-восточный Китай. М., 1955. С. 83, 113.

идный, узколиций северокитайский тип⁹⁷ и европеоидный брахикранный южного происхождения.

Но если хунны повлияли на аборигенов Южной Сибири, то последние не в меньшей мере повлияли на них. «Жизнь неолитических рыбаков конца каменного и начала бронзового века на Ангаре и верхней Лене вовсе не была такой мирной и тихой идиллией, какой ее изображали раньше... Постоянные межродовые и межплеменные войны обычны, как известно, в условиях родового быта»⁹⁸. «Целью войн было приобретение рабов для того, чтобы избавить себя и жен от тяжелых хозяйственных забот, и добывание „богатства“. Однако „богатство“ имело совсем не тот смысл, который вкладываем в этот термин мы. Эти „ценности“, по существу, не имели никакого значения в повседневной жизни. Они были предметом гордости владельцев, но лежали в амбарах, как мертвое сокровище... Это были обработанные куски нефрита, морские раковины, перламутр и т.п. вещи, блеском радовавшие глаз, но не приносившие реальной пользы»⁹⁹. Культурные связи древних обитателей Прибайкалья тянутся к Южной Маньчжурии и Северо-Восточному Китаю¹⁰⁰. Здесь прослеживается обмен главным образом украшениями из нефрита (диски, кольца, полудиски), бусами, морскими раковинами и, что особенно важно, металлическим сырьем. На основании новых данных археологии можно заключить, что во II тысячелетии до н.э. существовал самостоятельный культурный комплекс на территории от Ангары до Уссури. Собранные А.П. Окладниковым археологические материалы, характеризующие жизнь байкальских племен во II тысячелетии и в начале I тысячелетия до н.э., рисуют картину патриархально-родового строя с существованием рабства, причем рабы, добываемые путем пленения и покупки, использовались для трудоемких и неприятных работ, а также для кровавых жертвоприношений¹⁰¹. Судя по вышеприведенному описанию, хунны были примитивнее аборигенов Халхи и, следовательно, должны были воспринять многое из их культуры. Действительно, в III веке до н.э. мы наблюдаем у хуннов патриархально-родовой строй и бытовое рабство, подобное тому, которое предположил Окладников для племен глазковской культуры.

Хотя история хуннов с 1200 до 214 г. до н.э. (за малыми исключениями) не освещена письменными источниками, но за 1000 лет должно было произойти немало событий, и мы не имеем права опустить этот период, не сказав о нем ни слова. Правда, здесь будут только предположения и соображения, основанные на аналогиях, но они могут пролить некоторый свет если не на историю, то на этнографию хуннов.

Археологическими исследованиями установлено, что по всей Южной Сибири в бронзовый век существовал обычай соумирания жены или наложницы и захоронения ее в могиле мужа¹⁰². Но, кроме того, обнаружены также и мужчины, принесенные в жертву¹⁰³. Это можно трактовать как обычай «туом», очень древний обряд вызывания духа войны путем пролития крови. Этот обычай существовал у нижнеленских племен, и память о нем сохранилась поныне¹⁰⁴.

Однако мы имеем значительно более близкие аналогии. У киданей существовал обычай – во время войны по пути во вражескую страну приносить в качестве «искупительной жертвы» духам предков какого-либо преступника, расстреливая его «тысячью стрел». Точно так же и

⁹⁷ Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР. С. 83.

⁹⁸ Окладников А.П. Неолит... С. 261.

⁹⁹ Там же. С. 244, 247.

¹⁰⁰ Там же. Глава IV.

¹⁰¹ Там же. С. 231 и сл.

¹⁰² Окладников А.П. Неолит... С. 233, 237; Киселев С.В. Древняя история... С. 24, 113; Сальников К.В. Древнейшие памятники истории Урала. Свердловск, 1952. С. 68, 69.

¹⁰³ Окладников А.П. Неолит... С. 259.

¹⁰⁴ Окладников А.П. Исторические рассказы и легенды нижней Лены (Сборник МАЭ. 1949. № 11). С. 82, рассказ 9.

по окончании войны они приносили духам в жертву одного из врагов, на этот раз как «благодарственную жертву»¹⁰⁵. Аналогичный обычай во II веке до н.э. зафиксирован у хуннов¹⁰⁶. Тут связь несомненна, так как кидани были, по-видимому, юго-восточной ветвью носителей глазковской культуры, а хунны с 1200 г. до н.э. поддерживали с глазковцами тесные связи, тогда как нижнеленские племена, принадлежащие к циркумполярным культурам, были отделены от южного Прибайкалья «таежным морем» и связь с ними хуннов проблематична.

Таким образом, можно сказать, что жертвы приносились не богу войны Ильбису¹⁰⁷, а духам предков, очевидно, очень кровожадным.

Особенно важен следующий вывод А.П. Окладникова: в глазковское время произошло «появление нового похоронного обряда, обусловленного идеей о существовании подземного мира, в который ведет река мертвых, и замена старой обрядности, имевшей в основе иные представления о судьбе покойников в загробном мире»¹⁰⁸.

Эта смена мировоззрения сопоставляется с переходом от матриархата к патриархальному родовому строю. Она радикально меняет все жизнепонимание и прежде всего отражается на культе предков: «По воззрениям этого времени возвращение мертвых приносит несчастья и беды живым, тогда как ранее оно считалось неизбежным и желанным звеном круговорота жизни и смерти»¹⁰⁹. С этой точки зрения понятны «искупительные» и «благодарственные» жертвы духам предков как воздаяние за невмешательство в земные дела.

В связи с этим мировоззрением возникает дуалистическая система: небо – отец – добро и земля – мать – смерть, и отсюда вытекает солярный культ, выразившийся в изготовлении дисков и колец из белого нефрита. А.П. Окладников предполагает, что культ солнца в Прибайкалье заменил существовавший ранее культ зверя.

Наконец последним интереснейшим наблюдением и выводом А.П. Окладникова является интерпретация двух захоронений глазковского времени как шаманских¹¹⁰. Однако надо признать, что шаманизм, т.е. близкое, даже сексуальное, общение с духами отнюдь не соответствует описанному выше мировоззрению, и если признать, что описанные погребения действительно шаманские, то правильнее сделать вывод, что они позднейшего происхождения, т.е. датировать их после 1200 г. до н.э. и сопоставить с южным шаманизмом, уже существовавшим в Китае и пришедшим в Сибирь, очевидно, вместе с хуннами. Такое предположение не противоречит ни общей концепции А.П. Окладникова, ни собранному им материалу, ибо он сам сопоставляет костяные ложки из погребения, обнаруженного около деревни Аносово, с бронзовыми ложками из Ордоса¹¹¹. Предположение, что шаманизм возник в Сибири самостоятельно на базе развития более древних верований, не только не доказано, но, по-видимому, и не может быть доказано; наоборот, культурные связи Сибири и Дальнего Востока прослеживаются с бронзового века.

Описание культуры и общественного строя рыболовецких племен Прибайкалья имеет для нашей темы второстепенное, но существенное значение. Хунны тысячу лет впитывали в себя и перерабатывали эту культуру, и самостоятельный облик хуннской культуры, столь отличный от китайского и даже противоположный ему, есть следствие этого факта. Почти все отмеченные обряды мы встретим с некоторыми изменениями в державе Хунну во II веке до н.э. Поэтому исследования и выводы А.П. Окладникова приобретают особую ценность: они выяс-

¹⁰⁵ Plath J.H. Geschichte des östlichen Asiens. Göttingen, 1830. S. 105; ср.: Окладников А.П. Неолит... С. 261.

¹⁰⁶ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. I. С. 76.

¹⁰⁷ Окладников А.П. Неолит... С. 259.

¹⁰⁸ Там же. С. 328.

¹⁰⁹ Там же. С. 334.

¹¹⁰ Там же. С. 339 и сл.

¹¹¹ Там же. С. 347.

няют второй исток того творческого своеобразия, которое нашло свое воплощение в создании державы Хунну и кочевой культуры.

Продвижение хуннов на север

А.П. Окладников выделил в особый этап шиверскую культуру, возникшую от соприкосновения древних хуннов с древними тунгусами. От предшествующего глазковского этапа она отличается бурным развитием металлической техники и появлением «удивительной близости к особенностям примитивных топоров кельтов и архаического Китая иньской (или шанской) династии»¹¹². Наконечники копий также повторяют иньские, а кинжалы и ножи принадлежат к архаическим вариантам карасукских плоских кинжалов.

Учитывая прослеженный нами ход событий, мы можем с уверенностью датировать эту культуру началом I тысячелетия до н.э. Ведь хунны были врагами Чжоу и, следовательно, друзьями Шан-Инь¹¹³. Будучи выбиты из Китая У-ваном в самом конце XII века, они перенесли заимствованные у китайцев навыки и формы в Сибирь; таким образом, для Сибири вещи, сходные с аньянскими, должны датироваться эпохой, непосредственно следующей за гибелью царства Шан-Инь. Но это не следует распространять на область идеологии, так как разница в быте и хозяйственном укладе у кочевников и китайцев исключала прямое заимствование.

Итак, мы вправе констатировать, что шиверский этап прибайкальской культуры и карасукская культура не только синхронны, но и возникли по одной и той же причине. Однако судьба их была различна.

Западный отряд хуннов, переваливший за Саяны, оказался окруженным воинственными динлинами и изолированным от основной массы своих соплеменников. Как бы ни шла борьба, но победили динлины¹¹⁴.

Тагарская культура мощно перекрыла карасукскую, местная традиция восторжествовала над пришлой. По новейшим измерениям, карасукские черепа напоминают больше всего черепа узбеков и таджиков (сообщено В.П. Алексеевым), а это значит, что, как и в Средней Азии, монголоидный компонент был поглощен европеоидным.

Карасукская культура была распространена гораздо шире, чем антропологический тип ее носителей¹¹⁵. Она широко взаимодействовала с предшествовавшей андроновской культурой и оставила след на последующей тагарской. Это позволяет допустить, что внедрившиеся с юга пришельцы быстро установили с аборигенами мирные отношения и, оплодотворив их культуру своей, растворились в их массе.

Не то было на востоке. Близкие по крови к хуннам и менее организованные прибайкальские племена подчинились им, и к III веку до н.э. вся Центральная Монголия и степное Забайкалье составили основную территорию хуннов. Борьба за степные просторы заняла, видимо, около 300 лет, и в Китае все это время про хуннов не было слышно. В эти 300 лет формировался новый народ, смешиваясь с аборигенами и совершенствуя свою культуру (например, технику бронзы). А в Китае за это же время династия Чжоу разложилась и пришла в упадок. Но, кроме китайцев, у хуннов было еще немало других соседей.

---

¹¹² Окладников А.П. Шиверский культурно-исторический этап (рукопись).

¹¹³ Весьма примечательно, что хунны сохранили традиции шанского искусства до V века н.э. и донесли их до Западной Европы. На Каталаунском поле найдена ручка бронзового жертвенного сосуда гуннского происхождения. Аналогичные находки были сделаны в Венгрии, Силезии, на юге России, в Горном Алтае у Телецкого озера, в Монголии и Ордосе. Датировка они эпохой Старшей Хань, III-I век до н.э., но стиль их восходит к стилю эпохи Шан-Инь, когда подобные сосуды назывались «ю» [см.: Takáts Z. Catalaunischen Hunnenfund und sein ostasiatischen Verbindungen // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. T. V. Budapest, 1955. S. 143–173.

¹¹⁴ Артамонов М.И. К вопросу о происхождении скифов // ВДИ. 1950. № 2. С. 46.

¹¹⁵ Грязнов М.П. История древних племен верхней Оби // МИА. Т. 48. 1956. С. 38–41.

Соседи древних хуннов

Жуны занимали территорию, весьма однородную по ландшафту и монолитную: на северо-западе они населяли оазис Хами¹¹⁶, где граничили с индоевропейскими чешисцами, обитавшими в Турфане; на юго-западе они владели берегами озера Лобнор и Черчен-Дарьи, примыкая к Хотану и горам Алтынтага, где кочевали тибетцы – жокянь (или эррянь); жунам принадлежало также плоскогорье Цайдам, а родственные им племена ди жили в северной Сычуани. Но главная масса жунских племен группировалась в Северном Китае. В провинции Хэбэй жили племена: бэйжун (они же шаньжун), цзяши (ответвление племени чиди), сяньлюй, фэй и гу (ответвления племени байди), учжун. Общее их название было – бэйди. На западе жили племена, получившие общее название жунди. Они обитали среди китайского населения, не смешиваясь с ним, в провинциях: Шэньси – дажуны, лижуны, цюаньжуны; Ганьсу – сяо-жуны; Хэнани и Шаньси – маожуны, байди, чиди, цянцзюжуны, луши, люсюй и дочэнь¹¹⁷. К жунскому племени принадлежали кочевые племена лэуфань и баянь. Лэуфань вначале помещались в Шаньси (в области современной Тайюань)¹¹⁸, но потом мы застаем их в Ордосе. Очевидно, именно их имел в виду Птоломей, рассказывая о народе серов, живущих по соседству с синами – китайцами.

Самое восточное из жунских племен – шаньжуны жили в южном Хингане, соседствуя с дунху и хуннами. Местопребывание хуннов в древности точно определено в «Цзиньшу», гл. 97¹¹⁹. Хуннская земля на юге соединялась с уделами Янь и Чжао (современные провинции Хэбэй и Шаньси), на севере достигала Шамо, на востоке примыкала к северным и, а на западе доходила до шести жунских племен, т.е. древние границы распространения хуннов совпадали с современными границами Внутренней Монголии без Барги. Впоследствии они сузились, так как степи к востоку от Хингана заселили дунху, точнее хоры, народ монгольской расы. Необходимо отметить, что северокитайский тип весьма разнится от монгольского. Китайцы узколицы, худощавы, стройны, а монголы широкоскулы, низкорослы, коренасты. В степи мы наблюдаем оба типа: чистых монголов китайцы называли дунху, т.е. восточные ху, а среди ху-хуннов преобладал китайский узколицый тип с примесью динлинских черт, например высоких носов¹²⁰. Разумеется, хунны и дунху-хоры на протяжении веков смешивались, и это смешение определило в значительной степени характер хуннов: динлинская неукротимость сочеталась с китайской любовью к системе и с монгольской выносливостью.

К северу от хуннов обитали динлины. Они населяли оба склона Саянского хребта от Енисея до Селенги. На Енисее помещались кыргызы (по-китайски – «цигу») – народ, возникший от смешения динлинов с неизвестным племенем гянь-гунь, а на запад от них, на северном склоне Алтая, жили кипчаки (по-китайски – «кюеше»), по внешнему виду похожие на динлинов и, вероятно, родственные им.

Начиная с V века до н.э. в китайских хрониках появляется упоминание о юэчжах, кочевом народе, жившем в Хэси, т.е. в степях к западу от Ордоса. Территория их определяется «от Дунь-хуана на север, от Великой стены при Ордосе – на северо-запад до Хами»¹²¹. Однако эта территория не могла быть родиной многочисленного юэчжийского народа, так как в эту же эпоху китайская география помещает сюда усуней и чиди-уйгуров. До V века о юэчжах китайцы не пишут, чего не могло быть, если бы те занимали столь близкую к Китаю область.

¹¹⁶ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. III. С. 57.

¹¹⁷ Фань Вэнь-лань. Древняя история Китая... С. 137–138.

¹¹⁸ Chavannes Ed. Les memoires historiques de Sse-ma Ts'ien. P., 1899. P. 71, 89.

¹¹⁹ См.: Бернштам А.Н. Очерк истории гуннов. Л., 1951. С. 219.

¹²⁰ Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия... С. 15.

¹²¹ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. III. С. 57.

Отсюда вытекает, что юэчжи овладели Хэси в V веке до н.э., имея уже вполне освоенную базу для наступления; такой базой могла быть только Джунгария, ибо Центральная Монголия была уже занята хуннами, а западная – кипчаками и гяньгунами¹²².

Переходим к последнему и наиболее загадочному белокурому народу – северным бома. Бома населяли северные склоны Саяно-Алтая¹²³. Известно о них следующее: «Они ведут кочевой образ жизни; предпочитают селиться среди гор, поросших хвойным лесом, пашут лошадьми; все их лошади пегие, откуда и название страны – Бома (пегая лошадь).

К северу их земли простираются до моря. Они ведут частые войны с хагасами, которых очень напоминают лицом; но языки у них разные, и они не понимают друг друга. Дома строят из дерева. Покровом деревянного сруба служит древесная кора. Они делятся на мелкие кланы и не имеют общего начальника»¹²⁴. В переводе Н.Я. Бичурина находим некоторые отличия: так, например, масть лошадей – саврасая, верхом бома не ездили, а держали лошадей только из-за молока, войско бома исчислено в 30 000 человек¹²⁵.

Итак, это был народ по сибирским масштабам крупный. К счастью, мы имеем подлинные названия его в китайской передаче: бице-бике и олочже¹²⁶. Отсюда становится понятно, что бома – просто кличка, и сопоставление сибирских бома с ганасуйскими необосновано, тем более что они пишутся разными иероглифами¹²⁷. Этнонимы их совпадают с бикинами, древним племенем, упомянутым Рашид ад-Дином, и алакчинами, о которых Абулгази пишет, что «у них все лошади пегие, а очаги золотые». Страну Алакчин он помещает на Ангаре¹²⁸. Таким образом, мы не можем причислять бома ни к дили, ни к динлинам.

Локализовав алакчинов, обратимся к антропологии Прибайкалья. Там в неолитическую эпоху, вероятно, очень затянувшуюся, намечаются три типа: 1) эскимойдный – на среднем течении Ангары, где нет европеоидной примеси; 2) палеосибирский – на верхнем течении Ангары и Лены и 3) европеоидный, просочившийся из Саяно-Алтая и смешавшийся с абorigенами. Область распространения этого типа в Прибайкалье ограничивается южными его районами, прилегающими к островкам степей или черноземных почв, цепочка которых тянется от

¹²² Историю вопроса см.: Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия... С. 91–94. Территория, на которой жили юэчжи, восстанавливается на основе сопоставления таким образом. В эпоху, предшествовавшую хуннскому завоеванию степной Азии, к Алтаю примыкали два государства: с запада Кангюй и с востока Юэчжи. Кангюй, вопреки мнению С.П. Толстова, находился в Восточном Казахстане, и мало данных за то, чтобы степняки обладали горными долинами Алтая. Область юэчжей, по китайским сведениям, лежала между Алашанем и Хами, но южную, плодородную часть этой территории занимали усунь, покоренные юэчжами около IV века до н.э. Попытка понять китайские сведения буквально, т.е. поместить два больших народа на одной пустынной территории, не дала результатов. Необходимо допустить, что эта область была завоевана юэчжами с запада, а так как область оазисов была населена тохарами, а территория Монголии – хуннами, то остается только Джунгария, примыкающая к Алтаю и Тяньшаню. Отсюда юэчжи были вытеснены хуннами в 165 г. до н.э. За отождествление пазырыкцев с юэчжами говорят следующие данные: 1) Китайские вещи, например зеркало из княжества Цинь, тесно связанного с юэчжами. 2) Юэчжи брили голову; останки, найденные в Пазырыке, свидетельствуют о том же. 3) Резкий характерный профиль на пазырыкских изображениях, являющийся эстетическим каноном, совпадает с профилем на кушанских монетах. 4) Предполагаемая датировка V–III века до н.э. совпадает с расцветом юэчжей, тогда как Кангюй существовал еще 500 лет, а в циньское время с Китаем не сносился, и циньское зеркало с другими вещами попасть на Алтай могло опять-таки только через юэчжей. 5) Много больших каменных курганов пазырыкского типа расположено в восточных районах, ландшафтом связанных с Монголией и Джунгарией, а не с Карагандинской степью и не с Барабой; сходство же пазырыкских вещей со скифскими объясняется просто тем, что оба эти народа имели сношения и обменивались культурными ценностями, причем посредниками были родственные скифам аланы. Литература о юэчжах огромна. Из новых работ, см.: Pelliot P. Les coutchenes et les tokhariens // Journal asiatique. 1934; Haloun G. Zur Üetsi Frage // Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. 1937; Умняков И.И. Тохарская проблема // ВДИ. 1940. С.П. Толстов сопоставил юэчжей с массагетами, опираясь на звучание имен в предположительной реконструкции (см.: Древний Хорезм. М., 1948). Эта гипотеза принята не всеми учеными.

¹²³ Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия... С. 51, 59.

¹²⁴ Chavannes E. Documents sur les Tou-kiue (turos) occidentaux // Сборник трудов Орхонской экспедиции. Т. VI. СПб., 1903. С. 29, прим. 4.

¹²⁵ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. I. С. 350.

¹²⁶ Там же.

¹²⁷ Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия... С. 13.

¹²⁸ Там же. С. 353–354.

Минусинского края до Канской степи примерно вдоль линии нынешней железной дороги¹²⁹. Сходную картину мы наблюдаем и в Красноярском крае¹³⁰.

Итак, наличие северных бома, вернее, алакчинов и бикинов, подтверждается. Этническое различие их с динлинами при расовом сходстве не должно нас ни удивлять, ни поражать. Распространены они были, вероятно, очень широко: от Алтая до Байкала, рассеянными группами, как многие другие сибирские племена.

---

¹²⁹ Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР. С. 58–61.

¹³⁰ Там же. С. 62.

III. На берегах «песчаного моря»

Первое вторжение хуннов в Китай

Кончался IX век. В Китае чжоуские ваны уже теряли свою мощь, и ван Сюань стал опасаться недовольства своих подданных, склонных к мятежу.

В это время впервые показали себя миру хунны, которых китайская поэзия окрестила «небесными гордецами», а грубая проза – «злыми невольниками».

Первое поэтическое известие о хуннах, уже обновленных, сформировавшихся и потому грозных, относится к 822 г. до н.э. В одной из од «Книги песен» описывается вторжение хуннов¹³¹ в Китай:

В шестой месяц¹³², какое смятение!
Боевые колесницы стоят наготове,
В каждую запряжено четыре статных коня,
Они снаряжены, как это обычно делается.
Хунну яростно вторглись,
Поэтому мы должны были спешно выступить;
Чтобы освободить столицу,
Царь¹³³ приказал выступить в поход.
Мы победили Хунну,
Проявив великую храбрость...
Хунну плохо рассчитали,
Заняв Цяо и Ху,
Захватив Хао и Фэнь¹³⁴,
Дойдя до северной части реки Цзинь.
Наши знамена, украшенные изображениями птиц,
Развевались своими белыми складками.
Десять военных колесниц мчались впереди...
Мы победили Хунну.
Это пример для десяти тысяч (т.е. многих) стран¹³⁵.

Данные слишком скудны, чтобы оценить поход хуннов по достоинству. Не совсем ясно, был ли это просто удачный грабительский набег или серьезная война, рассчитанная на захват территории. Первое вероятнее, но и в этом случае, видимо, действовали большие и организованные массы. Для отражения противника потребовалась мобилизация, и все-таки война была нелегкой.

Тем более странно, что после этого хунны опять не упоминаются около 500 лет. Очевидно, их оттеснили на север жуны¹³⁶.

---

¹³¹ Они названы не сюнну, а сюньюнь, очевидно, из-за архаичности языка.

¹³² В июле.

¹³³ Сюань-ван из династии Чжоу.

¹³⁴ Столица царства Джоу.

¹³⁵ Авдиев В.И. История древнего Востока. М., 1953. С. 655.

¹³⁶ Название «хунну» появилось в Китае в эпоху Чжаньго (IV–III века до н.э.) [см.: Цэн Юн. Оборонительные войны против хуннов в эпоху Хань. Шанхай, 1955 (Реферативный сборник. 1956. № 15. С. 95).

Борьба жунов и китайцев

Власть чжоуских ванов держалась «на острие копья». Это положение не могло длиться бесконечно. В 842 г. до н.э. население столицы восстало против Ли-вана и штурмовало дворец. Ли-ван бежал. Власть взяли в свои руки сановники Чжоу-гун и Чжао-гун, которые пошли навстречу требованиям восставшего народа. Эпоха их регентства (842–827) получила характерное название «Всеобщее согласие» (Гунхэ). Этой ценой была спасена династия, но мощь ее не восстановилась, несмотря на удачное отражение хуннов и победоносную войну с царством Сюй на юго-востоке Китая.

Пока феодальных и удельных владений в Китае было много, размер их был очень мал. Поэтому ван (царь) имел бесспорное преимущество перед любым из своих князей. Но когда владения укрупнились, пропорционально выросла сила отдельных князей, и ванам пришлось с ними считаться. Однако это не всегда было так: нередко личные интересы и страсти вмешивались в политические расчеты и опрокидывали их. Так, например, Ю-ван, влюбившись в красавицу Бао-сы, стал пренебрегать своей законной супругой, дочерью князя Шэня. Последний вступился за оскорбленную дочь; возник конфликт между феодалами, причем обиженный вельможа попросил помощи у соседних племен «варваров». Тут и начали контрнаступление жуны и ди. В 771 г. гуаньжуны вмешались в феодальную войну и вторглись в Китай. Ю-ван пал в битве, и гуаньжуны осели на китайских землях. Они заняли область между реками Гин и Вэй «и продолжали утеснять Серединное Государство»¹³⁷. Пин-ван из дома Чжоу, не сумев отбиться от наседавшего врага, ушел на восток в Лоян, но гуаньжунов отразил князь Сян в 770 г. до н.э. С этого времени начинается фактический распад княжества Чжоу.

Несколько позднее активизировались на востоке шаньжуны. В 706 г. они прорвались сквозь княжество Янь и княжество Ци и разбили князя Ци под стенами его столицы. Только через 44 года Хуань-гун, князь удела Ци, выгнал их из пределов Китая¹³⁸. Однако распри по-прежнему мешали китайцам объединять свои силы, и в 644 г. жуны разорили удел Цзинь, князь которого был главою имперского союза. В 642 г. они пришли на помощь своему бывшему врагу – мятежному князю удела Ци, и произвели опустошительный набег на удел Вэй.

Но наибольших успехов жуны достигли в 636 г. до н.э. Великий князь Сян-ван из политических соображений женился на княжне из жунов. Однако молодая княгиня стала участницей заговора против него одной из придворных клик. Они привели своих соплеменников, а ее друзья отворили им ворота столицы, и великому князю пришлось бежать. Четыре года грабили жуны беззащитный Китай, пока Вэнь-гун, князь удела Цзинь, добивался согласия имперского сейма на вручение ему полномочий на изгнание жунов и восстановление порядка. Только в 632 г. он изгнал их из столицы и казнил изменника, узурпатора – князя удела Дай. Тогда же циньский Му-гун (659–621) уничтожил 12 владений жунов на западе и вернул Китаю земли Чжоу.

Однако жуны не были разбиты, и борьба продолжалась до 569 г., когда они заключили мир с уделом Цзинь¹³⁹. В V веке перевес склонился на сторону китайцев. Чжао-ван, князь удела Цзинь, завоевал царство икюйских жунов в Шэньси и восточном Ганьсу. Ву Лин, князь Чжао, покорил в Ордосе лэуфань и линьху, а Цинь Кай, полководец княжества Янь, «внезапным нападением разгромил Дун-ху»¹⁴⁰.

¹³⁷ Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М.; Л., 1950. С. 42.

¹³⁸ Конфуций говорил, что, если бы не эта победа, «нам, пожалуй, пришлось бы ходить непричесанными, застегивать одежду налево и испытывать иноплеменное господство» (см.: Фань Вэнь-лань. Древняя история Китая от первобытно-общинного строя до образования централизованного феодального государства. Т. I. М., 1958. С. 120).

¹³⁹ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. I. С. 43–44.

¹⁴⁰ Там же. С. 45.

Каким образом окончательная победа досталась китайцам, убедительно показано ими самими. Жуны занимали огромную территорию и делились на множество больших и малых племен. «Все сии поколения рассеянно обитали по горным долинам, имели своих государей и старейшин, нередко собирались в большом числе родов, но не могли соединиться»¹⁴¹. До тех пор, пока в самом Китае царил феодальная раздробленность, жуны могли иметь частные успехи, но как только владения укрупнились и князья стали царями, централизованная сила победила храбрых жунов. Каменные замки оказались более надежными убежищами, чем горные ущелья. Икюйские жуны попробовали было подражать китайцам и построили ряд крепостей. Но китайцы уже владели осадной техникой и без труда взяли их замки. Кроме того, мы не знаем, каковы были отношения между жунами и хуннами. Вряд ли они были друзьями. А если так, то положение жунов должно было быть трагично: зажатые между Китаем и Великой степью, они не имели тыла, а горные долины, где они пытались укрыться от наступавшего врага, оказались ловушками, не имевшими выхода, не убежищем, а местом гибели.

В результате пятивековой борьбы жуны были разделены на две части: основная была оттеснена на запад, к горному озеру Кукунор, а другая – на восток, в горы Хингана, где и растворилась среди восточных ху¹⁴², затаив вражду против китайцев. В результате в III веке до н.э. сложился племенной союз дунху, захвативший гегемонию в восточной части Великой степи. В это же время вновь ожили и вернулись к активной исторической жизни народы западной части Степи.

В 250 г. до н.э. парфяне, возглавив иранское освободительное движение, выгнали из Мидии завоевателей македонян, а родственные им сарматы завоевали Скифию, т.е. причерноморские степи¹⁴³.

Как будто каким-то мощным толчком были приведены в движение степные народы в середине III века до н.э.

Культура плиточных могил

В то время когда китайцы и жуны уничтожали друг друга в истребительных войнах, в степях Центральной Монголии и Южного Забайкалья сложилась оригинальная культура, которой предстояло большая будущность. Это так называемая «культура плиточных могил», а по сути дела – ранний этап самостоятельной хуннской культуры. Она исследована Г.И. Боровкой¹⁴⁴ и Г.П. Сосновским¹⁴⁵, но законченное описание ее принадлежит А.П. Окладникову¹⁴⁶. Эти могилы, вытянутые цепочками с юга на север, содержат великолепные изделия из бронзы. Описание их я опускаю, так как оно имеется в работах указанных авторов, и, опираясь на характеристику культуры плиточных могил, данную А.П. Окладниковым, попробую перейти к интерпретации.

Судя по дошедшим до нас материалам, основным занятием людей, оставивших плиточные могилы, было скотоводство; к тому же они в совершенстве владели техникой литейного дела. В могилах обнаружены раковины-каури из Индийского океана, белые цилиндрические бусы из пиррофиллита, фрагменты сосудов-триподов китайских форм. Это указывает на широту культурных связей, которые простирались от Китая до Алтая, Минусинской котловины и Средней Азии. Однако еще незаметно следов классового расслоения: «расположение могил

¹⁴¹ Там же. С. 43

¹⁴² Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Т. II. Л., 1926. С. 85.

¹⁴³ Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951. С. 321.

¹⁴⁴ Боровка Г.И. Археологическое обследование среднего течения реки Толы // Северная Монголия. Т. II. Л., 1927.

¹⁴⁵ Сосновский Г.П. Ранние кочевники Забайкалья (КСИИМК. Т. VIII. М.; Л., 1940); Плиточные могилы Забайкалья // Труды отдела истории первобытной культуры Гос. Эрмитажа. Т. I. Л., 1941.

¹⁴⁶ Окладников А.П. Древнее население Сибири и его культура (Рукопись).

указывает на прочность общинно-родовых связей»¹⁴⁷. Это не значит, конечно, что не было богатых или бедных семей, но и те и другие находились в рамках патриархального рода. Патриархальный род – это строй аристократический. Заслуженные воины, старейшины и вожди составляют его верхушку, и их могилы должны иметь отличие от могил рядовых их соплеменников. Таковыми являются «оленные камни», т.е. плиты, украшенные изображениями оленей, солнечного диска и оружия. На изготовление их затрачивался труд настолько большой, что он был непосилен одной семье покойника. Очевидно, это было общественным делом¹⁴⁸. Антропологический тип на протяжении всего I тысячелетия до н.э. не менялся; именно в эту эпоху складывался и сложился характерный палеосибирский тип, справедливо приписываемый хуннам¹⁴⁹.

В чем же различие культуры плиточных могил¹⁵⁰ и последующей, непосредственно примыкающей к ней хуннской культуры? Во-первых, хунны широко использовали железо, которое в плиточных могилах встречается редко. Этот факт получает крайне простое объяснение. Первоначально степняки получали железо с юга от тибетцев-кянов¹⁵¹. Сомкнулись они с ними около 205 г. до н.э.¹⁵², и только тогда железо потекло в Степь широким потоком. Во-вторых, у хуннов мы обнаруживаем царские могилы. И это понятно, так как лишь в 209 г. до н.э. произошла консолидация родов и была установлена твердая центральная власть, а до этого хунны были просто конфедерацией родов. Значит, появление царских могил – не что иное, как этап истории одного народа. Все прочие черты совпадают, и, следовательно, вышеприведенная характеристика относится к раннехуннскому обществу, точнее, к становлению его в IX–IV веках до н.э. В IV веке хунны усилились настолько, что перешли обратно на южную сторону Гоби¹⁵³, и китайцы, только что одержав победу над бэйди, были вынуждены защищаться от нового врага, учитывая его особую стратегию и непривычную тактику. Памятники этого столкновения – Великая китайская стена и плиточные могилы во Внутренней Монголии¹⁵⁴.

О языке хуннов

Вопросу о языке, на котором говорили хунны, посвящена большая литература, ныне в значительной степени потерявшая значение¹⁵⁵. Сиратори доказывал, что известные нам хуннские слова – тюркские и единственная хуннская фраза, дошедшая до нас, – тюркская¹⁵⁶. Иссле-

¹⁴⁷ Там же.

¹⁴⁸ Там же.

¹⁴⁹ Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР. М.; Л., 1948. С. 121.

¹⁵⁰ Отождествление культуры плиточных могил с раннехуннской оспаривает И.И. Гохман, который основывает противоположное мнение на изучении семи черепов из плиточных могил IV–II веков до н.э. (Гохман И.И. Антропологические материалы плиточных могил Забайкалья // Сборник МАЭ. Т. XVIII. М.; Л., 1958. С. 428, 437). Исследованные И.И. Гохманом черепа монголоидны и не имеют европеоидной примеси, характерной для хуннов. Однако автор не учитывает, что хунны, как и любой большой народ, не были расово монолитны. Небольшое количество исследованного краниологического материала не позволяет судить обо всем расовом составе населения, оставившего плиточные могилы, а территория, на которой они распространены, уже в III веке до н.э. была хуннской. Скорее можно предположить, что этот монголоидный тип был одним из компонентов хуннского народа, окончательно сложившегося на севере, а не на юге от Гоби. Изменение погребального обряда, имевшее место во II веке до н.э., связано не с переселением нового народа, а с изменением культа, так как хуннская культура в это время переживала период бурного развития, оборвавшегося во II веке н.э. Наличие же плиточных могил к югу от Гоби показывает, что этот обряд захоронения связан не с локальными особенностями одного племени, а является следом культурного единства многоплеменного этнического образования в Средней Азии I тысячелетия до н.э.

¹⁵¹ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. II. С. 172.

¹⁵² Иакинф. История Тибета и Хухунора. Т. I. СПб., 1833. С. 17.

¹⁵³ В 317 г. хунны в союзе с пятью китайскими княжествами выступили против Цинь, но были отбиты (Фань Вэнь-лань. Древняя история Китая... С. 235).

¹⁵⁴ Окладников А.П. Новые данные по древнейшей истории внутренней Монголии // ВДИ. 1951. № 4. С. 163.

¹⁵⁵ См.: Иностранцев К.А. Хунну и гуны. Л., 1926.

¹⁵⁶ Shiratori K. Über die Sprache der Hiungnu und der Tanghu – Stämme. St. Pb., 1902; Bulletin de l'Academie Imperiale des

дования финских ученых поставили вопрос о хуннском языке в несколько иную плоскость: Кастрен¹⁵⁷ и Рамстедт¹⁵⁸ высказали мнение, что хуннский язык был общим для предков тюрков и монголов. Пельо отметил, что он включает в себя элементы еще более древнего слоя¹⁵⁹. Лигети оставляет вопрос о хуннском языке открытым, ссылаясь на то, что хуннское слово, обозначающее «сапоги», известное нам в китайской транскрипции, звучит «сагдак» и не имеет аналогий ни в тюркских, ни в монгольском языках. Приведенное им сопоставление с кетским словом «сегди» не удовлетворяет самого автора¹⁶⁰.

Однако это слово имеет прямое отношение к старорусскому слову «сагайдак», т.е. колчан со стрелами и луком. Оно тюрко-монгольского происхождения и было в употреблении в XVI–XVII веках. Связь его с хуннским словом «сагдак» совершенно очевидна, так как хунны затыкали за голенища стрелы, которые не помещались в колчане¹⁶¹, как впоследствии делали русские, затыкая туда ножи. Итак, слово «сагдак» восходит, возможно, к той же тюрко-монгольской языковой стихии, которая в I тысячелетии до н.э. была еще, очевидно, слабо дифференцирована; но возможно также, что общность известных нам хуннских и монгольских слов объясняется культурным обменом между народами, которых тесно связывала историческая судьба. Несмотря на приведенные соображения, можно думать, что сомнение в тюркоязычии хуннов несостоятельно, так как имеется прямое указание источника на близость языков хуннского и телеского¹⁶², т.е. уйгурского, о принадлежности которого не может быть двух мнений. Сам Лигети указывает, что сомнения в тюркоязычии хуннов основаны на анализе специальных «культурных слов», которые очень часто оказываются заимствованными, в чем нет ничего удивительного, так как общение хуннов с соседями было продолжительным и интенсивным.

Sciences de S.-Petersburg. V. Serie. Bd. XVII. №2 (Отдельный оттиск).

¹⁵⁷ Castrén M.A. *Ethnologische Vorlesungen über die altaischen Völker*. St.-Pb., 1857. S. 35–36.

¹⁵⁸ M.G.S. Ramstedt. *Über der Ursprung der türkischen Sprache*. Helsinki, 1937. S. 81–91.

¹⁵⁹ Pelliot P. *L'édition collective des oeuvres de Wang Kouo-wei (T'oung Pao. Vol. XXVI)*. P. 167.

¹⁶⁰ Ligeti L. *Mots de civilisation de Haute Asie en transcription chinoise // Acta Orientalia*. 1950. S. 141–149.

¹⁶¹ В колчане помещалось всего 30 стрел (см.: Иностранцев К.А. *Сасанидские этюды*. СПб., 1909).

¹⁶² Бичурин Н.Я. *Собрание сведений... Т. I*. С. 214.

IV. Великая стена

Война хуннов с княжеством Чжао

Победа, которую предки китайцев одержали над окружавшими их со всех сторон враждебными племенами (жунди, кянов, маней, юэ и пр.), далась им очень нелегко и стоила недешево. Но даже после того, как внутри китайских земель были уничтожены жунские княжества и подчинены племена, граничившие непосредственно с царствами, образовавшимися в результате укрупнения феодальных княжеств, китайцы чувствовали себя на своей земле, как на острове, окруженном враждебной стихией.

Об этом весьма красочно повествует стихотворение Цюй Юаня «Призывание души»¹⁶³. Изложенная там географическая концепция заслуживает внимания.

Восточной стороне не доверяйся,
Там великаны хищные живут
И душами питаются людскими;
Там десять солнц всплывают в небесах
И расплавляют руды и камень,
Но люди там привычны ко всему...

Любопытно, что о море нет ни слова. В эпоху Цюй Юаня восточные юэ – «хищные великаны» – еще держались в Цзян-нани и доставляли китайцам больше неприятностей, чем неосвоенное для плавания море. О юге сказано следующее:

И в южной стороне не оставайся!
Узорами там покрывают лбы,
Там человечину приносят в жертву
И стряпают похлебку из костей.
Там ядовитых змей несметно много,
Там мчатся стаи великанов-лис;
Удавы в той стране девятиглавы.
Вся эта нечисть там кишмя кишит,
Чтоб пожирать людей себе на радость.

Эта мрачная картина кое в чем находит подтверждение. Ло Гуан-чжун также сообщает, что у южных маней-лесовиков практиковались человеческие жертвоприношения¹⁶⁴. Фантастическая зоология остается на совести Цюй Юаня. Но это все пустяки по сравнению с западом:

Про вредоносность запада послушай:
Повсюду там зыбучие пески,
Вращаясь, в бездну льются громовую.
Сгоришь, растаешь, сгинешь навсегда!
А если чудом избежишь несчастья,
Там все равно пустыня ждет тебя,

---

¹⁶³ Цюй Юань. Стихи. М., 1954. С. 128–129.

¹⁶⁴ Ло Гуан-чжун. Троецарствие. Т. II. М., 1954. С. 374.

Где каждый муравей слону подобен,
А осы толще бочек и черны.
Там ни один из злаков не родится
И жители, как скот, жуют бурьян,
И та земля людей, как пекло, жарит...
Воды захочешь – где ее найти?
И помощь ниоткуда не приходит.
Пустыне необъятной нет конца...

Тут описана не пустыня Такла-Макан, как можно было бы подумать: в III веке до н.э. китайцы так далеко не проникали. Это всего-навсего сухая степь в предгорьях Наньшаня и по реке Эдзин-Голу. Описание степного вихря вполне реалистично. О севере сказано:

На севере не вздумай оставаться:
Там громоздятся льды превыше гор,
Метели там на сотни ли несутся...

Еще мрачнее описание зенита и надира. Поэтому желание отгородиться от такого «страшного мира» вполне естественно. Но пограничные племена не давали китайцам забыть о себе. Летописи наполнены рассказами о нападениях жунов. С VIII по III век до н.э. между ними шла упорная борьба с переменным успехом¹⁶⁵. И только в 214 г. до н.э. войска объединенного Китая окончательно подавили сопротивление жунов.

Победа над жунами принесла северокитайским княжествам больше вреда, чем пользы, поставив их в непосредственную близость со степными хуннами; последние оказались гораздо более свирепыми и опасными врагами. Уже в 307 г. Ву Лин, великий князь из дома Чжао, разгромив племена линьху и лэуфань, принужден был построить пограничную крепость Яймьнь и оборонительную стену у подошвы хребта Иньшань, исконной территории хуннов. Его примеру последовал полководец Цинь Кай в княжестве Янь, который воздвиг оборонительную линию, прикрывающую Ляоси и Ляодун от набегов дунху¹⁶⁶. Однако эти частные мероприятия не останавливали хуннских набегов; к тому же выяснилось, что лучше терпеть небольшие потери от грабежа со стороны соседей, чем строить столь громоздкие сооружения, не приносящие ожидаемого эффекта. Поэтому князья предпочли организовать легкую конницу для отражения хуннских набегов, и впоследствии этот план борьбы расценивался как лучший из всех применявшихся¹⁶⁷.

В III веке до н.э. хуннские нападения на Китай усилились. Сыма Цянь сообщает, что Ли Му, полководец княжества Чжао (в Шаньси), отражал постоянные набеги хуннов¹⁶⁸. Он занимал оборонительную позицию: «Как только хунны вторгнутся в наши владения и начнут грабить, немедленно уходите в лагерь и обороняйтесь, – предупреждал он своих воинов. – Всех, кто посмеет брать пленных, буду казнить!»

При такой тактике он не нес потерь, но вызывал естественное недовольство своего вана, который предложил ему либо изменить тактику, либо уйти в отставку. Ли Му выбрал второе, но его преемник, принявший бой с противником, понес такие потери, что лишился возможности оборонять границу. Снова был назначен Ли Му с огромными полномочиями. Тактика хуннов заключалась в молниеносных набегах маленькими отрядами. Такие отряды рыскали

---

¹⁶⁵ Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М.; Л., 1950. С. 42–45; Maspero H. La Chine antique. P., 1927. P. 383–386.

¹⁶⁶ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. I. С. 45.

¹⁶⁷ Там же. С. 107.

¹⁶⁸ Сыма Цянь. Избранное. М., 1956. С. 170–171.

по всем пограничным районам, но встречали отпор со стороны расположенных там китайских гарнизонов. Чтобы обезопасить себя от них, хунны стали увеличивать численность отрядов, а этого только и хотел Ли Му. Он добился того, что шаньюй «во главе неисчислимых полчищ» напал на его обученное войско. Силы Ли Му определились в 1300 колесниц, 13 000 всадников, 50 000 «воинов ста золотых»¹⁶⁹, 100 000 лучников, особо обученных им самим. Эти цифры не надо понимать буквально. Две первые близки к действительности, а две последние – синонимы множества, но ясно, что главной силой Ли Му были лучники. Он построил войско «наподобие крыльев», т.е. охватил фланги противника. Очевидно, «неисчислимые полчища» хуннов численно уступали китайской армии. Полуокружением Ли Му заставил врага отказаться от маневрирования и принять бой, в котором хунны понесли большие потери и были разбиты. Было уничтожено племя даньянь, разгромлено дунху и сдалось племя линьху. Из указанного видно, что хунны уже стояли во главе племенного объединения, но это поражение лишило их гегемонии в Степи, и позднее она перешла к их восточным соседям – дунху.

Но княжество Чжао недолго наслаждалось лаврами своих побед. В 226 г. до н.э. оно было покорено царством Цинь, через пять лет объединившим весь Китай.

Построение великой стены

В древности княжество Цинь было пограничным уделом, боровшимся с жунами. После подчинения 12 жунских племен княжество включило их в свой удел и в значительной мере усвоило их обычаи. Присоединив же к себе княжество Бо (в Шэньси), основанное беглецами из царства Шан-Инь, Цинь восприняло не чжоускую, а шанскую линию китайской культуры. Оба эти обстоятельства настолько отличали Цинь от остальных княжеств, что те считали Цинь жунским владением и не всегда соглашались на его участие в общекитайских съездах и союзах¹⁷⁰. Однако победы на юге и западе, отдавшие в руки циньских князей огромную территорию с воинственным населением, сделали Цинь наиболее сильным княжеством Китая.

На севере Цинь установило связи с кочевыми юэчжами. От циньских князей юэчжи получали великолепные ткани и зеркала, сохранившиеся до нашего времени в горноалтайских курганах¹⁷¹, а циньцы заимствовали у юэчжей конный строй, упразднив громоздкие неповоротливые колесницы¹⁷². Небезынтересно также отметить, что, по-видимому, через юэчжей в Иране и Индии узнали о существовании китайского государства на востоке, которое с тех пор до наших дней именуется у индийцев и иранцев «Чин» или «Мачин» (Великое Цинь)¹⁷³.

Военная реформа весьма усилила боевую мощь династии Цинь и облегчила ей победы над царствами Восточного Китая. Создателем мощи царства Цинь был сановник Шан Ян, который провел ряд реформ, упразднивших общинное землевладение, обессиливших старинные аристократические роды и превративших Цинь в централизованное государство, осуществившее объединение Китая. Восточные китайцы сопротивлялись отчаянно. Около 200 лет длилась война. Эта эпоха и получила в китайской историографии название «Брань царств». Циньская дипломатия искусно ссорила восточных ванов между собой, а циньская армия наносила им жестокие поражения. Наконец князь Ин Чжэн завершил покорение восточных царств и принял титул общекитайской династии Цинь – Цинь Ши-хуанди. Не ограничившись этим, он совер-

¹⁶⁹ Одни комментаторы считают, что наиболее сильные воины, бравшие в плен вражеского вождя, за что полагалась награда в 100 золотых; другие считают, что эти воины из богатых семей, состояние которых оценивалось в 100 золотых (Сыма Цянь. Избранное. С. 344, комментарий Л.И. Думана).

¹⁷⁰ Фань Вэнь-лань. Древняя история Китая от первобытно-общинного строя до образования централизованного феодального государства. М., 1958. С. 120–121.

¹⁷¹ Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время М.; Л., 1953. С. 356–357.

¹⁷² Maspero H. Le Shine antique. P. 385

¹⁷³ Ibid. P. 384.

шил поход на юг и заставил южных юэ признать верховную власть империи. Затем был завоеван Ордос, а хунны отогнаны от Иньшаня. Располагая огромными средствами, Ши-хуанди решил обезопасить свою северную границу и предпринял сооружение Великой стены, отделившей Китай от евразийских степей. Уже существовавшие разрозненные стены было решено соединить в единую мощную цепь укреплений. Работы велись днем и ночью; когда выяснилось, что людей не хватает, на строительство отправили военнопленных и осужденных преступников. Условия работы были исключительно тяжелы, и много трупов похоронили в земляной насыпи стены. Но вот строительство закончилось. Стена протянулась на 4 тысячи километров. Высота ее достигала 10 м, и через каждые 60–100 м высились сторожевые башни. Но когда работы были закончены, оказалось, что всех вооруженных сил Китая не хватит, чтобы организовать эффективную оборону на стене. В самом деле, если на каждую башню поставить небольшой отряд, то неприятель уничтожит его раньше, чем соседи успеют собраться и оказать помощь. Если же расставить пореже большие отряды, то образуются промежутки, через которые враг легко и незаметно проникнет в глубь страны. Крепость без защитников – не крепость. Многие китайские вельможи отрицательно отнеслись к постройке стены. В 11 г. н.э. Ян Ю в своем докладе писал: «Цинь Ши-хуанди, не перенося и малейшего стыда, не дорожа силами народа, сбил Долгую стену на протяжении 10 000 ли. Доставка съестных припасов производилась даже морем. Но только кончилось укрепление границы, как Серединное государство совершенно истощилось, и Дом Цинь потерял престол»¹⁷⁴. Действительно, стена не остановила хуннских набегов, и династия Хань вернулась к системе маневренной войны.

Однако постройку Великой стены нельзя считать бессмыслицей. Если бы у Китая хватило средств на содержание постоянных гарнизонов на стене, то коннице хуннов было бы затруднительно ее форсировать. Но не только цели обороны преследовало циньское правительство, возводя стену. В докладе чиновника Хоу Ина указывается, что пограничные племена, угнетаемые китайскими чиновниками, невольники, преступники и семьи политических эмигрантов только и мечтают бежать за границу, говоря, что «у хуннов весело жить»¹⁷⁵. Через стену же, даже неохраямую, нельзя было перетащить лошадей, без которых передвижение в азиатских просторах было невозможно. Это же обстоятельство препятствовало набегам небольших отрядов кочевников, стесняя их в выборе путей для нападения на оседлые области Китая. Для охраны стены использовали иногда преступников, заменяя им наказание военной службой на границе, но это были ненадежные войска, склонные к дезертирству. Иногда вокруг стены селили крестьян, которым вменялась в обязанность охрана границы, но из этого также ничего не получалось, так как крестьяне не имели военной выучки. В конце концов охрану предоставили пограничным кочевым племенам – потомкам жунов и остаткам племени ху. Несмотря на то что эти пограничники сами были не прочь пограбить или изменить и перейти на сторону хуннов, они все-таки были более надежной пограничной стражей.

Война хуннов с государством Цинь

После разобранного выше краткого сообщения о хуннах китайская история не упоминает о них до конца III века до н.э. Можно лишь догадываться, что в этот период хунны потеряли большую часть своих позиций на западе, где юэчжи в победоносном наступлении дошли до Алашаня, и на востоке, где гегемонию захватили древние монголы – дунху. Зависимость хуннов от дунху выражалась, по-видимому, лишь в уплате дани, так как у хуннов были собственные вожди, которые вели самостоятельную внешнюю политику. Дунху, собственно говоря, не было государством, а скорее союзом племен, где управление осуществлялось выдвинувшимися

¹⁷⁴ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. I. С. 107.

¹⁷⁵ Там же. С. 95.

из массы старейшинами или вождями, не отличавшимися от своих соплеменников ни богатством, ни положением. Хунны же в это время уже имели шаньюя, который был, как можно думать, не абсолютным монархом, но постоянным, даже пожизненным, вождем. Поэтому вхождение хуннов в сферу влияния дунху можно объяснить лишь тем, что они перед этим терпели серьезные неудачи, может быть, в борьбе с юэчжами или саянскими динлинами и поэтому были не в состоянии оказать должное сопротивление своим восточным соседям. Не исключена возможность, что на положение хуннов повлияли и внутренние социальные изменения, о которых будет сказано ниже.

Усиление Китая также весьма неблагоприятно отозвалось на хуннах. В 214 г. Цинь Ши-хуанди отправил на север полководца Мэнь Тяня со 100-тысячным войском¹⁷⁶. Мэнь Тянь завоевал Ордос, построил по берегам Желтой реки 44 городка и оставил там гарнизоны из сосланных преступников. Пограничные горы были использованы как крепости: пологие скалы, превращенные в отвесные, ограничивали возможность перехода кочевников через них. И наконец войска Мэнь Тяня перешли Желтую реку и заняли предгорья Иньшаня. Хунны потеряли лучшие земли в горах, «привольные лесом и травой, изобилующие птицей и зверем», где они могли готовить луки и стрелы и откуда было легко совершать набеги¹⁷⁷, и ордосские степи, населенные тангутскими племенами лэуфань и баянь, которые были под их властью. Незадачливый хуннский шаньюй Тумань вместе со своим народом откочевал в Халху, спасаясь от копий китайской пехоты в просторах пустыни Шамо. Но даже там для обеспечения покоя ему пришлось отдать в заложники своим соседям юэчжам старшего сына Модэ. Казалось, что с хуннами покончено и что их соседи разделят между собой хуннские степи. Но история судила иначе! Кто теперь знает о юэчжах или дунху, тогда как имя хунну широко известно.

Падение государства Цинь

Цинь Ши-хуанди умер в 210 г. до н.э. У него было два сына. Старший, Фу Су, находился в Ордосе в ставке полководца Мэнь Тяня, главы военной партии. Канцлер Ли Сы, возглавлявший легистов, и евнух Чжао Гао, влиятельный представитель придворной клики, опасались Фу Су и были склонны выдвинуть младшего сына императора – Ху Хая. Ху Хай был неумен, безволен и всецело находился под влиянием Чжао Гао. Чтобы избавиться от законного наследника, Чжао Гао послал царевичу Фу Су фальшивый приказ якобы за подписью императора-отца, предписывающий ему покончить жизнь самоубийством. Несмотря на уговоры Мэнь Тяня, царевич остался верен долгу сына и китайским обычаям и перерезал себе горло. На престол вступил Ху Хай, приняв титул Эр Ши, что значит второй в роду император¹⁷⁸. Всю власть при молодом монархе захватил Чжао Гао, который воспользовался ею для того, чтобы избавиться от соперников. Мэнь Тянь и Ли Сы были казнены¹⁷⁹. Для широких слоев китайского общества Чжао Гао был наиболее одиозной фигурой в циньском правительстве. Он не стремился ни в одной из идеологических систем оправдать свой режим¹⁸⁰; уверенный в силе своих латников и арбалетчиков, он открыто угнетал народ. Но его деспотизм вызвал резкое противодействие. Первое восстание подняли Чэн Шэн и У Гуан. Хотя оно было подавлено регулярными войсками, но оказалось искрой в пороховом погребе. По всем провинциям вспыхнули мятежи. Самым

---

¹⁷⁶ Пример числового преувеличения. Тут надо понимать «с большим войском» (ср: Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. I. С. 45).

¹⁷⁷ Там же. С. 94.

¹⁷⁸ См.: Сыма Цянь. Избранное. С. 226–231.

¹⁷⁹ После казни Мэнь Тяня хунны немедленно вернулись к Иньшаню, не встретив сопротивления (McGovern W. The early empires of Central Asia. L., 1939. P. 116).

¹⁸⁰ В Китае в эту эпоху было шесть систем: школа инь-ян, конфуцианцы, монисты, номиналисты, легисты, даосисты, т.е. последователи Лао-дзы (см.: Сыма Цянь. Избранное. С. 35).

грозным из них было восстание в области Чу (Хубэй), во главе которого стал Сян Юй. Он происходил из простой семьи, но, по словам биографа, с детства был обуреваем честолюбием и мечтал о троне. В смутных временах Сян Юй нашел свою стихию. В качестве программы он выдвинул восстановление старых добрых времен независимости княжества Чу и, отыскав потомка старинных князей, пасшего овец, провозгласил его Хуай-ваном. Помощником его стал Лю Бан, впоследствии основатель династии Хань.

Циньскому правительству пришлось защищаться. Новый главнокомандующий Ван Цзян обрушился на княжество Чжао (Шаньси). Чуские войска пришли на помощь Чжао, и Сян Юй вступил в упорные бои с Ван Цзяном. В это время Лю Бан двинулся на циньскую столицу Сяньян и, пользуясь тем, что большая часть войска ушла в поход, взял город. Во время борьбы была уничтожена ненавистная народу придворная клика, а с нею погибла и династия Цинь (206 г.). Лю Бан хотел удержать Сяньян, но Сян Юй подошел к городу и приказал очистить его. Лю Бан был вынужден подчиниться и согласиться на скромный удел в Сычуани и на титул Хань-вана. Сян Юй стал подлинным хозяином Китая и принял титул Ба-вана.

Сян Юй был незаурядным полководцем и храбрым человеком, но он был политически близорук и поэтому не провел никаких реформ, которых так жаждал народ. Этим воспользовался Лю Бан. В своем сычуаньском захолустье он объединил всех недовольных, поддержавших его на пути к трону. Чжан Лян составил для него политическую программу. Сяо Хэ, великолепный администратор, упорядочил управление, а полководец Хань Синь обеспечил военный успех. Честолюбивые замыслы Лю Бана не укрылись от Сян Юя, и он решил напасть на Сычуань. Тогда в целях обороны Лю Бан разрушил все мосты на горных дорогах и превратил свою область в крепость без входов и выходов. Этим ему удалось обмануть бдительность Сян Юя. А в то же время по единственной горной тропе вышло ханьское войско под командованием Хань Синя. Хань Синь совершил головокружительный рейд: взяв Чан Сынь, он прошел в уделы Цзинь (Шаньси) и Ци (Шаньдун), провозгласив там новую династию Хань и ее политическую программу. В эту программу входили уменьшение налогов, отмена жестоких законов, упрощение судопроизводства и свобода для ученых и философов всех школ и направлений. Войско Хань Синя росло, как снежный ком, так как к нему присоединялись представители всех слоев населения, а силы Сян Юя таяли. Следом за Хань Синем вышел Лю Бан и вступил в бой с отрядами Сян Юя у реки Хайшуй. Сян Юй заставил отступить ханьское войско и загнал его в реку. Лю Бан бежал. Однако, собрав новые силы, он снова окружил Сян Юя. Последний, видя безнадежность дальнейшей борьбы, покончил с собой. В Китае утвердилась династия Хань.

О древнекитайской методике исторического повествования

Лю Бан достиг победы и власти в 202 г. до н.э., но традиционная китайская историография считает датой оснований династии Хань 206 г., потому что последний император династии Цинь сдался Лю Бану в конце 207 г. Это нельзя считать хронологической неточностью, так же как нельзя называть ложью огромные преувеличения численности войск или то, что прибытие посла из далекой страны именовалось «принятием в подданство». Тут мы имеем систему выражений, которую нельзя понимать буквально. Поэтому, прежде чем перейти к дальнейшему изложению событий, уместно обратить внимание на некоторые особенности китайских исторических материалов – нашего главного источника.

В задачу автора не входит описание развития самой китайской исторической науки. Для нас важны лишь определение степени достоверности сведений, содержащихся в династийных хрониках, и те их особенности, которые существенны для истории хуннов.

Историография занимала почетное место в Китае. Историческая память считалась совестью нации, и в руках составителя хроники была репутация самого властного императора.

Нередко императоры ублажали своих летописцев, боясь, чтобы они не скомпрометировали их в глазах потомков.

Согласно традиции, династическая хроника публиковалась только после прекращения династии. Но поскольку историография была важным государственным делом, к составлению хроник допускались лишь люди, в политических симпатиях которых не было сомнений. Из всего этого видно, что китайская историография выполняла правительственный заказ и не могла не быть в какой-то мере тенденциозной. Первой задачей исследователя в таком случае является определение характера искажения действительности. Возвеличение роли Китая, его значения и военных успехов должно было входить в задачу историка, поэтому к сообщениям такого рода нужно относиться с сугубой осторожностью. Наоборот, сведения о поражениях и неудачах китайцев, по всей видимости, преуменьшались, и им можно верить условно. Количество войск, как своих, так и чужих, почти всегда преувеличивалось, причем обязательно давались круглые числа: 100 000, 300 000, 400 000, 1 000 000; это не реальные количества, а просто манера выражаться, вроде древнерусской «тьмы».

Постоянно встречающиеся преувеличения цифр в китайских исторических произведениях – явление неслучайное. Оно имеет свое основание и свою закономерность, а следовательно, и свое объяснение. Прежде всего необходимо отметить, что цифры до 10 000 чел. даются, как правило, без преувеличения. Для древних китайцев 10 000 было не просто число, а понятие множества неисчислимого – то же, что для наших предков «тьма тьмушая», а для современных математиков «бесконечность». Поэтому числа сверх 10 000 даются приближенно, как лежащие за пределами возможного измерения или исчисления. Но оперировать с такими числами приходилось часто, и их стали давать, но не в сравнении с измеримым отрезком до 10 000, а в соотношении между собой и с округлением. Если, допустим, армия А имеет численность 13 000, то, значит, можно определить ее как $10\,000 + X = 2 \times 10\,000 = 20\,000$. Армия В в четыре раза сильнее армии А, значит, армия В равна 80 000. Для более позднего времени – эпохи Тан – удалось произвести несколько раз проверку этой системы счета и установить средний приблизительный коэффициент преувеличения. Он равен 9. Так как традиция исторической науки за это время не прерывалась, то надо думать, что для древности действителен тот же коэффициент. Но это еще не все.

Китайцы – народ, весьма способный к абстрактному мышлению. При исчислении армии их интересует именно ее сила, а она не всегда совпадает с численностью, ибо боеспособность у разных войсковых соединений различна. Например, если в армии А есть 30 богатырей-всадников, из которых каждый расценивается в 100 рядовых пехотинцев, то расчет идет так: 30 человек = 3000 единиц боевого действия, где за единицу принимается боеспособность одного солдата самого слабого вида войск. Если при этом в армии А есть 8000 рядовых, то численность ее будет рассчитана так: $8000 + 30 \times 100 = 10\,000 + X = 20\,000$ вместо фактических 8030 человек или 11 000 единиц боевого действия.

К этому надо прибавить, с одной стороны, гордость, заставлявшую историка преувеличивать боеспособность своих воинов, а с другой – страх перед хуннами, заставлявший преувеличивать их число и доблесть. Отсюда и вырастают огромные по численности армии, как свои, так и чужие. Разумеется, абсолютные числа далеки от истинных, но относительные не очень далеки, и пропорциональность сохранена. Поэтому, хотя мы не в состоянии внести поправку в источник, мы можем следить за ходом событий с точностью в пределах вероятности.

Цифры полученной добычи обычно взяты из рапортов китайских полководцев и вряд ли могли быть преувеличены, так как контроль и учет трофеев проводили гражданские чиновники, которые принимали их. Полководец скорее мог, утаив часть добычи, уменьшить ее количество, чем преувеличить, так как он должен был бы восполнить недостачу из своего кармана. Хвастовство и обман в рапортах карались лишением чинов и даже смертью.

Сведения о внутреннем состоянии кочевых народов китайские историки получали из сводок китайской разведки. Здесь точность несомненна, но, к сожалению, эти сведения чрезвычайно немногословны, так как разведчики интересовались лишь тем, что имело практическое значение, главным образом боеспособностью, а религия, культура, нравы и т.п. описываются между прочим.

Большой интерес представляют подлинные документы, доклады в Государственном совете, письма, отчеты, приводимые часто полностью, а иногда с сокращением. Но, как правило, историк приводит лишь тот доклад, с которым он сам согласен, а мнение оппонентов дает в сокращении. Однако это не мешает исследователю самому оценить события.

При составлении истории хуннов необходимо иметь в виду, что китайцы, весьма подробно описывая свои отношения с ними, чрезвычайно бегло повествуют о войнах, которые хунны вели на западе и севере, так как китайских историков эти события интересовали крайне мало.

Попытки анализа событий, вообще довольно робкие, сводятся к указанию на волю и характер исторических персон, а роль народных масс упускается из виду. При этом историк произвольно объясняет поведение кочевых вождей такими же мотивами, как если бы это были китайские вельможи.

Упомянутые ошибки весьма распространены; ими же страдала и европейская эрудитская школа. Разумеется, нельзя требовать от древних китайцев владения материалистическим методом, но, используя их сочинения, следует всегда искать причины исторических событий, разбирая их ход и логику. Так как почти на всем протяжении нашего исследования мы не имеем параллельных текстов для применения сравнительного метода, единственным приемом исторической критики будет анализ связей между событиями. Это способ трудный, но единственный, так как греко-римские сведения по интересующей нас теме скудны, отрывочны и заслуживают доверия меньше, чем китайские; степные же народы никаких документов о своем прошлом не оставили. Ни в коей степени нельзя доверять и фольклору, ибо у нас нет ни малейших данных утверждать или даже предполагать, что известные нам варианты тюркских былин имеют столь большую давность, да и сами события в устной передаче искажаются до неузнаваемости.

Итак, мы видим, что китайские источники, имея ряд несомненных достоинств, как то: точность в хронологии, осведомленность и отсутствие фантастических вымыслов, вместе с тем требуют критического отношения к себе, и при этом условии дефекты источников не введут нас в заблуждение.

У. Свистящие стрелы

Шаньюй Модэ и возникновение державы Хунну

Шаньюй Тумань имел двух сыновей от разных жен. Для того чтобы обеспечить престол любимому младшему сыну, он решил пожертвовать старшим – Модэ и отдал его в заложники юэчжам. Напав на последних, Тумань надеялся, что они убьют его сына. Но Модэ оказался человеком решительным. Ему удалось похитить у юэчжей коня и вернуться к отцу, о предательстве которого он, конечно, знал. Тумань, искренне восхищенный удачей Модэ, не только не убил его, но дал ему в управление тюмень, т.е. 10 000 семейств. Модэ немедленно начал обучать военному делу свою конницу и научил ее пользоваться стрелой, издававшей при полете свист¹⁸¹. Он приказал всем пускать стрелы лишь вслед за его свистящей стрелой; невыполнение этого приказа каралось смертной казнью. Чтобы проверить дисциплинированность своих воинов, Модэ пустил свистящую стрелу в своего аргамака и не выстрелившим в великолепного коня приказал отрубить головы. Через некоторое время Модэ выстрелил в свою красавицу жену. Некоторые из приближенных в ужасе опустили луки, не находя в себе сил стрелять в беззащитную молодую женщину. Им немедленно были отрублены головы. После этого Модэ на охоте направил стрелу в аргамака своего отца, и не было ни одного уклонившегося. Увидев, что воины подготовлены достаточно, Модэ, следуя за отцом на охоту, пустил стрелу в него, и шаньюй Тумань в ту же минуту превратился в ежа – так утыкали его стрелы. Воспользовавшись замешательством, Модэ покончил с мачехой, братом и старейшинами, не захотевшими повиноваться отцеубийце и узурпатору, и объявил себя шаньюем (209 г. до н.э.). Дунху, узнав о междоусобице, решили воспользоваться ею и потребовали замечательного коня – сокровище хуннов и любимую жену Модэ. Старейшины в негодовании хотели отказать, но Модэ сказал: «К чему, живя в соседстве с людьми, жалеть для них одну лошадь или одну женщину?» – и отдал то и другое. Тогда дунху потребовали полосу пустыни (на юго-запад от Калгана), неудобную для скотоводства и необитаемую. Земля была, собственно говоря, ничья; пограничные караулы стояли по окраинам ее: на западе хунны, на востоке дунху. Старейшины хуннов сочли, что из-за столь неудобной земли незачем затевать спор: «Можно отдавать и не отдавать». Но Модэ заявил: «Земля есть основание государства, как можно отдавать ее?!» – и всем, советовавшим отдать, отрубил головы. После этого он пошел походом на дунху. Они не ожидали нападения и были наголову разбиты. Вся их территория, скот и имущество достались победителю. Остатки дунху поселились у гор Ухуань и в дальнейшем стали известны под названием ухуань. Вся степная часть Маньчжурии оказалась в руках Модэ. По возвращении из похода против дунху он не распустил войска, а напал на юэчжей и прогнал их на запад. С этого времени началась длительная война между хуннами и юэчжами, подробности которой нам неизвестны. Около 205–204 гг. Модэ покорил ордосские племена лэуфань и баянь и совершил первые набеги на Китай, где только что пала династия Цинь и свирепствовала гражданская война. Численность войска Модэ определялась в 300 000 человек. Таковы подробности основания хуннской державы, сообщаемые Сыма Цянем¹⁸². Многое здесь, возможно, прибавлено и приукрашено и самим историком, и его осведомителями, но главное, видимо, верно: Модэ объединил 24 хуннских рода и создал державу, настолько сильную, что китайцы сравнивали ее со Срединной империей.

¹⁸¹ Описание свистящих стрел см.: Köhalmi K.U. Über die pfeifenden Pfeile der innerasiatischen Reiternomaden // Acta Orientalia. Budapest, 1953. Т. III. S. 45–70.

¹⁸² Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М.; Л., 1950. С. 46–48.

Первая война хунну и хань

В 203–202 гг. Модэ вел войну на северной границе, где подчинил владения: хуньюй – племени, родственного хуннам, кюеше – кипчаков (динлинского племени, обитавшего на север от Алтая), их восточных соседей – динлинов, живших на северных склонах Саян, от верхнего Енисея до Ангары, гэгунь – кыргызов, занимавших территорию Западной Монголии, около озера Кыргызнор¹⁸³, и неизвестного народа цайли. Обеспечив свой тыл, Модэ обратил внимание на Китай. В 202 г. гражданская война в Китае закончилась победой Лю Бана, основателя династии Хань, известного в китайской истории как Гаоцзу. Но страна еще не оправилась от разрухи, и в это время с севера хлынули хунны. Они осадили крепость Май, и комендант ее, князь Хань Синь, вынужден был сдаться. По китайской традиции, сдача равнялась измене и означала переход в подданство победителя. Никакие обстоятельства не извиняли сдавшегося, так как предполагалось, что он мог покончить жизнь самоубийством, а раз этого не сделал, то изменил долгу. Поэтому для князя Хань Синя все пути отступления были отрезаны, и он стал верно служить новому хозяину¹⁸⁴. Хунны успешно двинулись на юг и, перейдя хребет Гэучжу, зимою 200 г. подошли к столице северной Шаньси – городу Цзиньян. Гаоцзу лично повел войска против них, но в результате сильных холодов около трети ратников обморозили руки.

Модэ применил обычный прием кочевников: притворным отступлением он завлек лучшие китайские части в засаду и окружил авангард китайской армии вместе с императором в деревне Байдын, недалеко от города Пинчэн. Любопытно, что Модэ имел уже четыре войсковых подразделения, определявшихся мастью лошадей: вороные, белые, серые и рыжие. Семь дней китайское войско оставалось в окружении без пищи и сна, выдерживая беспрестанные нападения хуннов. Наконец китайский лазутчик добрался до жены Модэ и сумел подкупить ее. Она стала советовать мужу помириться с Гаоцзу, «человеком гениальным»¹⁸⁵; она говорила, что, приобретя для себя китайские земли, хунны все равно не смогут на них жить. Это соображение, а в еще большей степени подозрение в неверности князя Хань Синя, не приславшего своевременно обещанного подкрепления, заставили Модэ отказаться от дальнейшей борьбы, и он приказал открыть проход войскам Гаоцзу. Китайское войско прошло через открытый проход с натянутыми и обращенными в сторону хуннов луками и соединилось со своими главными силами, а Модэ повернул назад. Этот поход хуннов – один из крупнейших, но, если взглянуть на карту, он поражает тем, насколько неглубоко могли проникнуть хунны в Китай. Вся кампания развернулась в Шаньси: города Май и Пинчэн лежали в 90 и 40 км от границы, а Цзиньян (современный Тайюань) в 250 км. Под Пинчэном у деревни Байдын¹⁸⁶ сосредоточились все военные действия, причем Сыма Цянь определял численность китайской армии в 320 тысяч воинов (и это реально, так как в это число включалась войсковая обслуга, нередко составлявшая в восточных армиях от половины до четырех пятых личного состава), число же хуннов – в 400 тысяч всадников, что явно преувеличено. Эти 400 тысяча человек должны были располагаться в горной котловине 30х40 км, т.е., если даже считать, что у хуннов не было заводных лошадей, на каждого всадника приходилось 30 м², а считая, что в середине стоял и отбивался китайский отряд, – еще меньше. Абсурдность очевидна. Вероятно, Сыма Цянь преувеличил хуннские силы в 10–20 раз. Но если принять этот коэффициент и предположительно определить силы Модэ в 20–40 тысяч всадников, становится понятно, почему он искал мира: ведь огромная китайская армия, растянувшаяся почти на 600 км, даже при полной потере авангарда

¹⁸³ Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М., 1950. С. 560–561.

¹⁸⁴ См.: Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. I. С. 50–51. – В биографии Хань Синя этот факт опущен (см.: Сыма Цянь. Избранное. М., 1956).

¹⁸⁵ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. I. С. 51.

¹⁸⁶ Там же.

была сильнее его. Гаоцзу и Модэ заключили договор «мира и родства» (дипломатическая формула капитуляции).

Договор «мира и родства» состоял в том, что китайский двор, выдавая свою царевну за иностранного владетеля, обязывался ежегодно посылать ему условленное в договоре количество даров. Это была замаскированная дань. Хотя Модэ принял царевну и дары, но продолжал поддерживать Хань Синя и других перебежчиков-мятежников. Фактически война продолжалась. Хань Синь и его сторонники опустошали северные области Китая. В 197 г. на сторону Хань Синя перешел Чэнь Си – начальник войск уделов Чжао и Дай. Он заключил с хуннами союзный договор. Но вскоре императрица Люй Хоу сумела заманить Хань Синя в столицу, где ему отрубили голову¹⁸⁷.

Китайское войско под предводительством Фань Куая после двухлетней войны подавило мятеж, но не решилось выступить за границу, так как возник новый мятеж в княжестве Янь (область Хэбэй). Вождь повстанцев Лу Гуан перешел к хуннам, и набеги распространились уже на восточные области Китая. В китайских войнах измены военачальников стали частым явлением. Измученный неудачами Гаоцзу умер в 195 г. За малолетством наследника регентшей стала императрица-мать Люй Хоу, при которой междоусобица усилилась¹⁸⁸. В 192 г. Модэ сделал императрице предложение вступить с ним в брак. По его понятиям, это означало, что китайская империя должна пойти в приданое за супругой, и он надеялся таким образом приобрести весь Китай. Императрица так разгневалась, что сначала хотела казнить послов и возобновить войну, но ее уговорили не обижаться на «дикаря», и Модэ был послан вежливый ответ, где отказ мотивировался престарелостью невесты. Вопреки опасениям китайских министров хуннский владыка удовлетворился ответом и не обрушил на истощенный и обессиленный смутами Китай свои грозные войска. Ужас, наведенный хуннами в минувшую войну, еще не прошел. В песнях пели: «Под городом Пьхин-чен подлинно было горько; семь дней не имели пищи, не могли натягивать лука»¹⁸⁹. С тех пор прошло восемь беспокойных лет, и силы юной империи были недостаточны для отражения внешнего врага, и все-таки Модэ, зная это, не начал войну. Но причиной было отнюдь не его миролюбие. На западной границе не прекращалась упорная война с юэчжами (ее подробности в имеющихся источниках не отражены). Насколько легко дались Модэ победы над дунху и саяно-алтайскими племенами, настолько тяжелой оказалась борьба с западными кочевниками. Здесь решались судьбы Азии; поединок между юэчжами и хуннами на 2 тысячи лет определил преобладание монгольского элемента в великой евразийской степи, что имело огромное значение для этно- и расогенеза.

Модэ, не желая распылять силы, оставил Китай в покое. Этим он дал возможность ханьской династии воспрянуть и укрепиться. Правительство императрицы-регентши расправилось с фрондирующими пограничными воеводами, большая часть которых погибла в борьбе, а наиболее упорные бежали в северо-западную Корею. Насколько для хуннов был важен мир на востоке, видно из следующего факта. В 177 г. один из пограничных хуннских князей напал на Китай. Император Вэнь-ди мобилизовал конницу и колесницы (85 тысяч) для отражения врага, но хунны не приняли боя и отступили. Вэнь-ди собирался перенести войну в степь,

¹⁸⁷ Сыма Цянь. Избранное. С. 280.

¹⁸⁸ Императрица Люй Хоу была весьма энергична и властолюбива. Еще при жизни мужа она имела огромное влияние на политику. Преемник Гаоцзу (Лю Бана) Хуэй-ди был в руках императрицы и ее родственников – Люй Чана и Люй Лу. Оба они получили титулы ванов и в 184 г., убив наследника престола, хотели утвердить свою династию. Но программа династии Хань успела приобрести немало сторонников, никто в Китае не хотел возвращения порядков Цинь Ши-хуанди. В 180 г. умерла императрица, а в 179 г. ее преемник Вэнь-ди истребил ванов Люй, их семьи и их сторонников. Но и это не привело к прекращению борьбы. В 177 г. вспыхнуло восстание Син Гюя, а в 154 г. восстали князья У, Чу, Чжао и др. Но ханьская династия все-таки провела свою политическую линию покровительства крестьянам и ученым в ущерб аристократии. Система ограничения императорской власти ванами и привилегии ванов были отменены, и это дало плоды. При Вэнь-ди (179–156 гг.) и Цзин-ди (156–140 гг.) Китай разбогател и превратился в мировую державу.

¹⁸⁹ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. I. С. 53.

однако восстание пограничного воеводы Син Гюя¹⁹⁰ заставило его отказаться от немедленного выступления. В это время от хуннов явилось посольство с извинениями и сообщило, что провинившийся князь был убран с границы и послан на запад. Там он искупил свою вину победой над юэчжами. Китайский двор, учитывая силу хуннов, принял извинения и несколько позднее восстановил с ними мирные отношения. Согласно договору, хуннская держава была признана равной с китайской империей, и государи именовали друг друга братьями. Это был беспрецедентный успех для хуннов: до сих пор ни один кочевой князь не мечтал равняться с китайским императором. Из письма хуннского шаньюя мы узнаем, что в 177 г. хуннскими войсками, стянутыми со всей страны, удалось разбить юэчжей. Результаты победы были весьма ощутимы: хунны захватили все княжества Восточного Туркестана, Усунь и земли кянов.

Кочевые тибетцы-кяны

На западной границе Китая, по соседству с уделом Цинь, обитали уцелевшие от истребительных войн жуны (предки тангутов) и кяны – тибетцы. Цинь Ши-хуанди, закончив завоевание Восточного Китая, расправился с жунами. Его полководец Мэнь Тянь в 225 г. «прогнал жунов»¹⁹¹, очевидно, в горные степи Цайдама, ибо в дальнейшем независимые от Китая тангуты жили именно там. Избавившись от старинных врагов – жунов, китайцы столкнулись с кочевыми тибетцами-кянами, обитавшими в верховьях Желтой реки.

В то время это был немногочисленный и бедный народ, не рисковавший нападать на великую империю. Падение династии Цинь лишило китайцев только что добытой гегемонии в этом районе, и хунны, подчинив себе тибетцев, охватили китайскую границу с запада. Как для Хунну, так и для Китая обладание горным районом верховьев Желтой реки имело лишь стратегическое значение, но кяны с этого времени вступили на путь интенсивного развития, причем они стали союзниками хуннов¹⁹², как и их соседи – усунь.

Усунь

Вопрос об усунях весьма сложен. Древняя усуньская земля, по сведениям китайского путешественника Чжан Цяня, лежала между Дуньхуаном и Циньяньшанем, но здесь же размещались и юэчжи. Сиратори удивлялся¹⁹³, как два самоуправляющихся народа живут смешанно на одной территории. Даже если распространить их территорию на запад до Лобнора и на северо-восток до нижнего течения Эдзин-Гола¹⁹⁴, то пустынная земля не могла прокормить два многочисленных народа¹⁹⁵. Но, видимо, эти народы владели указанной территорией по очереди. Подтверждением предлагаемой точки зрения является текст из «Шицзи», который гласит, что в области Гуачжоу – западная часть современной провинции Ганьсу – до Дуньхуана «в период Циньской и Ханьской династий обитал народ усунь, потом юэчжи и, наконец, прогнавшие их хунны»¹⁹⁶. Чередование народов здесь очевидно. В. Успенский предлагает гипотезу, согласно которой древние обитатели этого района были предки тибетцев – сижунь, и кочевые

¹⁹⁰ Там же. С. 54.

¹⁹¹ Иакинф. История Тибета и Хухунора. Т. I. СПб., 1833. С. 17.

¹⁹² Считаю необходимым отметить, что этот факт не был замечен Мак-Говерном, который считал, что Тибет был «равно свободен от китайского и хуннского контроля».

¹⁹³ Shiratori K. Über den Wu-sun Stamm in Centralasien.

¹⁹⁴ См.: Richthofen F. China. Berlin, 1877. S. 49, 447.

¹⁹⁵ Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Т. II. Л., 1926. С. 99.

¹⁹⁶ Успенский В. Страна Кукэ-нор или Цин-хай, из «Записки ИРГО по Отделению этнографии». Т. VI. СПб., 1880 (отдельный оттиск). С. 51.

усуни вытеснили их в горы в эпоху Чжаньго¹⁹⁷. Успенский расходится с Бичуриным, утверждавшим, что в это время кяны (т.е. тибетцы) занимали весь нынешний Хухунор¹⁹⁸, а это, по-видимому, соответствует действительности. Разногласие возникло из-за того, что Успенский считал жунов тибетцами, тогда как на самом деле это был особый народ, а усуни произошли от жунов¹⁹⁹. Таким образом, отпадает необходимость в миграционной гипотезе и подтверждается основательность термина «Шицзи» – «древняя усуньская земля» – применительно к предгорьям Наньшаня.

В конце III века усуни бежали из долины реки Данхэ. По-видимому, виновниками этого были юэчжи²⁰⁰. По мнению Грумм-Гржимайло²⁰¹, усуни бежали в Западную Хулху. Там они вступили в бой с воинами Модэ-шаньюя, причем государь их был убит²⁰². Хунны отнеслись милостиво к побежденным усуням. Они не были ни перебиты, ни разогнаны. Сына убитого владельца шаньюя Модэ взял в ставку и воспитал, а затем вручил ему управление его народом с титулом гуньмо²⁰³. Усуням была поручена охрана «границы при Западной стене»²⁰⁴. Грумм-Гржимайло считает «Западной стеной» укрепленное ущелье Гао-кюйесай в северо-западном углу Ордоса, где в это время не было надобности в границе, так как там жили верноподданные Модэ племена лэуфань и баянь. Вероятнее всего, что здесь подразумевалась западная граница Хунну, где обитали неприятели усуней – юэчжи. Это объясняет факт (породивший несколько гипотез)²⁰⁵ появления усуней в Западной Джунгарии и Семиречье и согласуется с версией из биографии Чжан Цяня, где говорится, что молодой гуньмо, получив разрешение шаньюя отомстить юэчжам за поражение, вторгся в Или и прогнал их на запад. Итак, в эпоху Модэ усуни выступали как вассалы хунну²⁰⁶.

Устройство державы Хунну

На высших ступенях первобытно-общинного строя родовые и племенные союзы неоднократно создавали весьма высокие формы общественной организации. Они отличались от классовых обществ, по существу являясь плодом деятельности всего общества, а не его отдельной части. «Мы видим господство обычаев, авторитет, уважение, власть, которой пользовались старейшины рода... но нигде не видим особого *разряда* людей, которые выделяются, чтобы управлять другими и чтобы в интересах, в целях управления систематически, постоянно владеть известным аппаратом принуждения, аппаратом насилия, каковым являются в настоящее

¹⁹⁷ Там же. С. 52.

¹⁹⁸ Иакинф. История Тибета и Хухунора. Т. I. С. 5.

¹⁹⁹ Гумилев Л.Н. Динлинская проблема // ИВГО. 1959. № 1.

²⁰⁰ Lévi S. Notes sur les Indo-Scythes // Journal Asiatique. 1897. IX serie. Vol. IX. P. 13.

²⁰¹ Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия... С. 100.

²⁰² Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. II. С. 155.

²⁰³ Там же.

²⁰⁴ Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия... С. 100.

²⁰⁵ Там же. С. 100–101; Vernadsky G.V. Ancient Russia. New Haven, 1952. – Вернадский сопоставляет этноним усунь с этнонимами: асианы-асии-асы-ясы (осы)-аланы и считает усуней аланским племенем, покоренным юэчжами.

²⁰⁶ Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия... С. 101. – Он не доверяет последнему сведению, опираясь на допущенную автором путаницу: что отец гуньмо был убит юэчжами, а не хуннами. По моему мнению, эта ошибка не важна и не меняет сути дела: усуни были врагами юэчжей и подданными хуннов. Ко времени путешествия Чжан Цяня гуньмо был уже стар и имел десять сыновей и много внуков (Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. II. С. 191). Так как он родился около 208 г. (Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. II. С. 155), то в 139 г. ему было 70 лет, возрастные данные совпадают. Кроме того, к 139 г. усуни уже были привычными обитателями Семиречья, смешанными с саками и оставшимися на месте юэчжами, но сведение это дошло до Китая лишь через Чжан Цяня. Язык усуней неизвестен. Грумм-Гржимайло причисляет их к тюркам, а Мак-Говерн – к иранцам, причем оба отмечают отсутствие доказательств.

время... вооруженные отряды войск, тюрьмы и прочие средства подчинения чужой воли насилью»²⁰⁷.

Хунны управлялись своими родовыми старейшинами, опиравшимися не на войско, а на народное ополчение. Шаньюй был просто главным среди прочих и не имел никакой реальной власти, кроме личного авторитета. Когда же его деятельность не вызывала уважения соплеменников, а следовательно, и их поддержки, ведение шаньюем крупных войн, естественно, было почти невыносимо. Роль личности в ходе исторических событий не всегда одинакова, но при отсутствии аппарата власти способности вождя подчас решают исход исторических событий, определяемых сочетаниями случайностей²⁰⁸. Именно этим объясняется, что хунны, а не юэцзи и не дунху оказались ведущим племенем в степной Азии, хотя общий ход событий не был бы нарушен в случае поражения хуннов.

К. Маркс отмечает: «...общинная собственность... может... проявляться либо таким образом, что мелкие общины прозябают независимо одна возле другой... либо таким образом, что единство может распространяться на общность в самом процессе труда, могущую вырабатываться в целую систему, как в Мексике, особенно в Перу, у древних кельтов, у некоторых племен Индии»²⁰⁹. Но это относится не только к земледельческим, оседлым народам. Кочевое пастушеское хозяйство хуннов в I тысячелетии до н.э. было значительно более высоко организовано, чем хозяйство их оседлых соседей. «...У туранцев главной отраслью труда сделалось сначала приручение и лишь потом уже разведение скота и уход за ним. Пастушеские племена выделялись из остальной массы варваров: это было первое крупное общественное разделение труда. Пастушеские племена производили не только больше, чем остальные варвары, но и производимые ими средства к жизни были другие... Это впервые сделало возможным регулярный обмен»²¹⁰. Развитие экономики повлекло за собой усложнение форм общественного бытия. Аилы, разобщенные в условиях полукочевого отгонного скотоводства, при переходе к круглогодичным перекочевкам стали образовывать спаянные группы. «У кочевых пастушеских племен община всегда на деле собрана вместе; это общество спутников... караван, орда, и формы субординации развиваются из условий этого образа жизни»²¹¹. Возникла потребность в организации этих мелких общин для обороны от врагов и для поддержания порядка внутри племени. Осуществить такую организацию могли только отдельные члены общин, облеченные доверием. Этот зародыш государственной власти оказывается более древним, чем институт государства, основанный на насилии одного класса над другим. Указанное отмечено еще Энгельсом, равно как и различие власти в доклассовом и классовом обществах: «В каждой такой общине существуют с самого начала известные общие интересы, охрану которых приходится возложить на отдельных членов, хотя бы и под общим контролем: разрешение споров и подавление правонарушений со стороны отдельных лиц, надзор за орошением... некоторые религиозные функции. Подобные должности встречаются в первобытных общинах во все времена... Они облечены... известными полномочиями и представляют зародыш государственной власти... Нам важно только установить здесь, что в основе политического господства повсюду лежало отправление общественной... функции и что политическое господство сохранялось надолго лишь в том случае, когда оно эту общественную... функцию выполняло»²¹².

Высказывания основоположников марксизма о характере общества на стадии родового и племенного строя целиком применимы к хуннам III века до н.э. В 209 г. до н.э. хунны кон-

²⁰⁷ Ленин В.И. О государстве // Сочинения, 4-е изд. Т. 29. С. 437.

²⁰⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Избранные письма. М., 1948. С. 264.

²⁰⁹ Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству. М., 1940. С. 7.

²¹⁰ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1953. С. 165.

²¹¹ Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству. С. 24.

²¹² Энгельс Ф. Анти-Дюринг. М., 1938. С. 185–186.

солидировали свои 24 рода, а последующие события поставили конфедерацию 24 хуннских родов на более высокую ступень общественного развития: союз превратился в «державу».

Политическая система, социальный строй и культура хуннов эпохи Модэ и его преемников значительно отличались от их предшествующего образа жизни. Поэтому мы вправе предполагать, что развитие хуннского общества прошло большой путь, прежде чем приняло ту форму, в которой хуннов застаёт история. Вместе с тем надо помнить, что создание Модэ хуннской державы запоздало по сравнению с развитием хуннского народа и общества. Модэ лишь усовершенствовал и немного реформировал существовавший строй.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.